

Княжеский пир

Юрий НИКИТИН

Княжий пир

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Княжий пир / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1998 — (Княжеский пир)

Все знают: не только перед дальней дорогой, перед любым серьезным начинанием нужно обязательно присесть, хотя бы ненадолго. Так уж повелось испокон веков. Так поступали наши деды, и их деды, и их прадеды, и даже знаменитые древние герои не чурались этого обычая. Чуть что – собирались вместе и садились за круглый стол легендарные рыцари короля Артура. Не меньше них блюли традицию былинные богатыри, допущенные к пиршественному столу киевского князя Владимира. Много было съедено и выпито за этим столом, много поведано сказаний о славных подвигах защитников земли русской. К сожалению, лишь малая толика этих невероятно интересных историй уместилась в эту книгу...

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть I	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	35
ГЛАВА 8	39
ГЛАВА 9	45
ГЛАВА 10	51
ГЛАВА 11	56
ГЛАВА 12	60
ГЛАВА 13	66
ГЛАВА 14	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий НИКИТИН

КНЯЖИЙ ПИР

Часть I

ГЛАВА 1

Лунный свет мертвенно скользил по чешуе гигантской рыбы, что укрывала огромный дом-крепость. Узкие окна темнели, как жабры, голова и хвост оставались в темноте. Не всяк понимал с ходу, что это не чешуя, а гонта – деревянные дощечки. Ими покрывают крыши северяне, будь то норманны, ругенцы или новгородцы. Раньше здесь крыли соломой, но новгородец Владимир вторгся с севера, разбил могучим кулаком из варягов и новгородцев нехилое вообще-то войско киян, и с той поры облик Киева стал меняться...

К его открытости и беспечности добавились суровость и даже жестокость северных народов, что поневоле звереют среди голых скал Северного моря, где, помимо селедки и тюленей, только топоры да оскаленные морды таких же озверевших от вечного недоедания соседей...

Сейчас терем мертвенно выступил на звездном небе, темный и неживой. На верхнем поверхе, как желтые глаза филина, злобно горели два окна. По плотным занавесям, как рыбы в воде, беззвучно скользили тени. Мимолетные, изломанные в трепещущем свете факелов и масляных светильников, но Владимир узнал силуэт отца Ивана, священника Юлии, с которым прибыла на Русь и с которым не расстанется...

Злые языки поговаривали, что прекрасная гречанка изменяла Ярополку, священник удался ростом и силой, подковы ломает как пряники, но простой люд зрит лишь то, о чем мечтает сам. На самом же деле священник замахнулся на гораздо большее, чем обольстить жену великого князя, кем был тогда Ярополк. В постели что княгиня, что пастушка, а вот подчинить своему влиянию княгиню... вернее, влиянию своего бога...

От главного терема неслись приглушенные песни, пьяные крики, смех. Шел нескончаемый пир, пир бояр и богатырей, только он, великий князь Владимир, не в Зо-лотой палате среди пирующего люда, а здесь, на резном крыльце, вдыхает ночной воздух и всматривается в окна второго поверха дальнего терема. Свет слабее, словно в кельях христиан, что непривычно для покоев Рогнеды, гордой княжны половецкой, которую он взял силой прямо на окровавленных трупах ее отца и братьев, когда дворец горел, когда выволакивали и резали ее челядь, а город грабили... У Рогнеды всегда горят все светильники, в покоях жарко, воздух пропитан запахом горящего бараньего жира. Если огни пригашены, то не иначе как принимает кого тайно. Чужие в терем не проникнут, стража надежна, но с поверха на поверх ходить вольно...

Свет горит и на первом, где расположил Забаву, жену князя Олега. Тихая, робкая, она не противилась, когда он, распаленный похотью, поволок ее на ложе, только плакала тихонько, но и потом не перечила, а, повстречав невзначай в переходах, пугливо кланялась, как простая челядница. Но редко кто мог заметить полный ненависти взгляд, который бросала на ненавистного князя, когда он, как она полагала, смотрит в другую сторону...

Половицы заскрипели, Владимир напрягся. Доски из толстого дуба, зря не скрипнут. К тому же песни и крики, а еще и звон железа – опять бьются, дурни! – заглушили бы и конский топот, а здесь даже не скрипят, а вопят так, будто при каждом шаге на доски опускают скалы.

Волосы на загривке зашевелились. В теплом ночном воздухе, пропитанном запахами хмельного меда, браги, дорогого ромейского вина, повеяло могучим хищным зверем.

Сердце стукнуло чаще, но заставил себя дышать ровно, а взор сделал приветливым. И не изменился в лице, когда из тьмы выдвинулась громадная фигура. Лунный свет упал на страшную оскаленную морду медведя. Человек, если он человек, двигался вразвалку, покачиваясь на коротких ногах. В правой руке, больше похожей на лапу, держал резной посох верховного волхва, мерно постукивал при каждом шаге по дубовым половицам. Длинное белое одеяние ниспадало до колен.

– Приветствую тебя, верховный, – сказал Владимир первым. – Добро ли почивалось?

Медвежья морда зыркнула люто, челюсти задвигались, но верховный волхв молчал. Маленькие медвежьи глазки оглядывали стоящего перед ним человека с головы до ног. Князь молод, с бритой головы набок падает длинный черный чуб, в левом ухе золотая серьга с крупным рубином. Единственный из всех богатырей, он был в простой рубахе, распахнутой на груди едва не до пояса. Пластины грудных мышц выпуклы и широки, словно выкованные из лучшего булата латы, чистые, как у подростка, без звериной шерсти, плечи разнесены далеко в стороны.

Надбровные дуги нависают, как уступы скал, брови выгнулись подобно лукам, а черные глаза смотрят зорко и подозрительно. На верховного пахнуло холодком беды. Лицо князя словно вырублено из гранита, и без того смуглое от рождения, еще и потемнело от жгучего солнца. Его принимали бы за степняка, если бы не длинное узкое лицо с выпирающей нижней челюстью и раздвоенным подбородком. От него веяло силой, упорством и жестокостью.

– Знаешь... – прорычал верховный волхв, на князя даже от человеческого голоса Белояна, верховного волхва, пахнуло диким дремучим лесом. – Разве что днем...

– Как сова, – сказал Владимир приветливо. – Рад тебя видеть в добром здравии, Белоян.

– Ночью, – прорычал верховный волхв, – мыслится... лучше...

– Давненько не видал тебя, – сказал Владимир гостеприимно. – Медку восхотелось? Есть в бочонках. Или любишь сам лазить на дерево?.. Чтоб, значит, добыть в бою?

Белоян недовольно рыкнул, шуточки князя одни и те же, сказано – князь, вокруг любой шутке смеются угодливо, тужиться не надо. Владимир уже с интересом смотрел, как медвежьи челюсти задвигались, вместе с рыком выкатывая слова:

– Опомнись... безумный...

Владимир встрепенулся:

– Ты о чем?

– Все знают, на какую звезду выходишь смотреть каждую ночь... Разве не безумие – потребовать у императоров их божественную сестру себе в жены? Великий Царьград правит миром, а твое крохотное княжество не отыщут ни на единой карте. Но здесь ты – князь! Уже великий князь. Надо радеть о народе, а не грезить...

Голос Владимира прозвучал глухо, со сдавленной яростью:

– Я возьму ее. Если нельзя иначе, то на развалинах Царьграда. Среди огня и крови, под звон мечей... А безумным меня уже называли... И когда мечтал стать из раба свободным дружинником, и когда, уже будучи дружинником, возмечтал о княжестве, хотя бы самом маленьком... Ты сам вон смотришь на звезды! Что говорят они тебе?

Под лунным светом шерсть на загривке Белояна встала дыбом. От него повеяло такой злостью, что Владимир уже хотел удивиться, шутки перестал понимать, как волхв сказал разъяренно:

– Над небом глумишься?.. Но там уже и твоя судьба видна!

– Наконец-то, – сказал Владимир с преувеличенным облегчением. – А то уж совсем блуждаю по жизни как по темному лесу. А теперь только у тебя спроси!

– Глумись, глумись, – повторил волхв со злым удовлетворением. – А когда придут и возьмут тебя за шкуру, тогда попомнишь мои слова.

Владимир обнял за широкие, как у богатыря, и вместе с тем по-медвежьи сутулые плечи:

– Пойдем в терем. Выпьешь, отдохнешь. Вон рожа вытянулась, как у коня. А какой из тебя конь? Вон клыки какие... А с теми, кто придет за моей шкурой... Сам знаешь, кто идет за шерстью – вертается стриженным. А у нас так и свою шкурку потеряет.

Волхв воздел к небу палец:

– Взгляни!

Черный небосвод выгнулся, как гигантская опрокинутая чаша. В чистом воздухе звезды сияли холодно и страшно. Сердце замерло от чувства бесконечности, удаленности тех загадочных костров, которых не достичь ни единому властелину. Целые звездные рои, похожие на серебряные наконечники стрел, смотрели на них прицельно как сверху, так и со всех сторон. Владимир поежился, чувствуя на себе вопрошающие взгляды небесных лучников, не зная, что ответить.

– Ну и что?

– Видишь вон там... нет, левее... вот та слева – твоя звезда. Ты под ней уродился! А дальше звезды, что говорят о твоём княжестве...

Владимир сказал заинтересованно:

– Ну-ну, что говорят?

– А то, что никогда... слышишь?... никогда не достичь тебе той, ради которой и в Царьграде славу добывал, и здесь престол силой захватил! Там начертана воля бессмертных богов. Начертана на небесах.

Владимир посмотрел хмуро, смолчал. Темные глаза были непроницаемы, а когда заговорил, голос стал острым, как дамасская сабля:

– Уж не стал ли ты христианином?

Волхв оскорбленно дернулся:

– С чего бы вдруг?

– Да что-то знакомое померещилось...

– Коль померещилось, – наставительно сказал волхв, – сплюнь через левое плечо! Дурень, воля небес – это воля небес!

Владимир пристально смотрел в ужасающе бесконечное небо. Отблеск звезд падал на его резкое лицо, оно казалось волхву почти нечеловеческим. Голос Владимира прозвучал из темноты:

– Здесь моя воля.

– Что ты говоришь, несчастный!.. Ты даже в своем дворе не можешь разобраться, а туда же – перечить воле богов! Помни, бог долго терпит, но больно бьет.

– А что у меня не так в моем дворе? – спросил Владимир почти спокойно.

Волхв повернулся, Владимир зябко повел плечами, когда лунный свет страшно переломился в желтых медвежьих глазах, а шерсть заблестела, как медные иголки.

– Вон крыши терема... Змеиное гнездо.

– Страшишься? – поинтересовался Владимир.

Волхв прорычал, став похожим на медведя больше, чем на человека:

– Когда можно избежать беды, зачем лезть на рожон? Похоть твоя непомерная далеко заведет. А этот грек –Иован, Иоанн... словом, Иван... ну и придумали же имечко!.. хитер как змея, а яду в нем на пол-Киева хватит. А тут еще и у Рогнеды завелся...

Он осекся, но Владимир уже насторожился:

– Кто? Договаривай!

– Да не полюбовник, не вскидывайся, как конь... Старец один пришел, вроде с ее земель.

– Из Полоцка?

– Нет, из дальних, откуда они все в Полоцк... Но старец непрост, ох и непрост!.. Я slučajем видел, как он бросает взор дальности... Ну, это такое заклятие. Можно зреть места вдали.

Правда, всего на миг. И еще у него есть гадкое заклятие, что жизнь у других вытягивает, а ему прибавляет. Я думаю, что ему намного больше лет, чем говорит.

– А сколько ему?

– Говорит, семьдесят весен топчет землю. Брешет, как дворовый пес. Пять раз по семьдесят разве что. Я приглядываюсь к нему, приглядываюсь! Забывается иной раз, что мы не гунны и не скифы, брякнет иной раз, опомнится, а я делаю вид, что не заметил... Он враг твой! Не простой враг, как Варяжко или, скажем, хан Теплуг. Нахрапом не лезет, сети плетет, как павук. А колдун сильный...

Владимир спросил насмешливо, но сердце затаилось, как заяц при виде волка:

– Даже сильнее тебя?

Волхв всхрипнул недовольно, гордо вскинул голову, но не возразил, не тот возраст, чтобы оскорбленное самолюбие заставляло врать:

– У него северное волховство, где много от соленого моря, прибрежных скал, криков чаек, морских глубин... А у меня – лесное. Мы просто разные. Кто, по-твоему, сильнее: ястреб или шука?

Владимир кивнул:

– Да, их нельзя сравнивать. Но если вы двое...

– На узком мостике? – угрюмо спросил Белоян. – Не разойтись.

По небу пронеслась хвостатая звезда. Настолько яркая, что мелкие звезды на ее пути гасли, а потом возникали медленно, робко, с оглядкой.

– Да, – внезапно вспомнил Белоян. – Еще одно... Вот там... смотри под ту красноватую звезду, что смотрит на мир, будто налитый кровью глаз... там появилось странное облачко. Сейчас его не видно... да и вообще не видно, если не умеешь зреть.

– Да еще ночью, – сказал Владимир, скривившись.

– Да еще ночью, – подтвердил Белоян, по медведистости не заметив насмешки, – оно сегодня возникло, но с места ни туда ни сюда.

Его костлявый палец с такой силой уперся в звездное небо, что Владимиру послышался стук, с каким дротик втыкается в бревенчатую стену. Под той звездой в слабом свете луны блеснула крыша среднего терема. В окнах горел ровный свет лампадок, изредка двигались темные угловатые тени. На крыльце по блеску на шлемах угадывались двое в доспехах иноземной работы. В отличие от шумных богатырей Владимира их не видели на пирах, на потешных боях, конных скачках. Владимир успел постранствовать, повидать мир, уже встречал таких вот тихих, которые зря кулаками не машут, а если меч вынимают из ножен, то не для пустой похвальбы.

Он заставил губы раздвинуться в усмешке:

– Удивил. Это и без тебя знаю.

– Сегодня... не так, – предупредил волхв. – Берегись, Владимир. Это тебе не с мечом врываться в самую середину чужого войска... Там красиво, доблестно, а здесь тише и... гораздо опаснее.

– Насколько?

Медвежьи глазки зло блеснули. Владимир ощутил, как по всему телу пробежали сотни иголок, будто по голому прокатали ежом. Затем угольки в глазах чуть погасли, зато из-под верхней губы предостерегающе блеснули длинные медвежьи клыки.

– Без колычуги не показывайся.

– Ого!

– Княже... Я зрел еще знак. Очень опасный враг находится и рядом с тобой.

– Кто?

– Если бы знал, сказал бы сразу!.. Да что там сказал, удавил бы, только и делов... Но видение было смутным, кто-то очень мешал... Этот человек пирует у тебя вместе со всеми,

смеется и пьет, как все твои богатыри... он и сам может быть среди богатырей, как и среди других знатных людей...

Владимир зябко повел плечами. Такой человек бывает опаснее всей дружины, даже всего войска. Удар кинжала, ложка яду или удавка на горле – и вместо одного государства может возникнуть совсем другое...

– Ты хочешь, чтобы я начал шарахаться от своей тени?

– Просто будь осторожен.

– От всего не уберешься, – сказал Владимир, на горле уже чувствовал чужие хищные пальцы. – А этот человек может быть всем. Скажи лучше о чем-нибудь добром, не опасном...

Из открытых окон главного терема снова донесся взрыв хохота, пьяных криков, звон разбитой посуды. Владимир не шелохнул бровью, а Белоян прорычал с насмешкой:

– Тебе пора. Стол зовет.

– Надо, – ответил Владимир с досадой.

– Надо ли?

– Белоян... Ты же знаешь, что у русов пир – это больше чем пир!..

Он толкнул дверь, оба даже остановились на пороге, оглушенные после свежего ночного воздуха жаркими запахами жареного мяса, рыбы, чеснока, восточных пряностей. В просторных сенях жарко и чадно, мясо жарят не только в поварне, но прямо в Золотой палате, на виду у пирующих. Из палаты выбегали отроки с пустыми блюдами, другие спешно вносили жареных лебедей, горки перепелов, втроем занесли широкое дубовое блюдо, где лежал жареный кабан с торчащим ножом в спине. Кабан был размером с коня, а нож – с меч-акинак.

Запахи жареного мяса и жгучего перца едва не сшибали с ног. Палата огромна, но стены едва не трещат под напором пирующих. Княжеский стол на небольшом помосте, там пируют избранные, а от него двумя рядами уходят через всю палату еще столы. Богатыри и бояре сидят тесно на массивных дубовых лавках, столы вбиты в пол, уже не перевернут в драках.

Рядом с пустым креслом князя смотрит в потолок высокой спинкой такое же, только украшенное золотом и драгоценными камнями. На самом верху укреплен коронка из червонного золота, по ободку блещут крупные яхонты, а на самом верху горит огромный изумруд, любимый камень князя. Это кресло жены князя, но никто не помнил, чтобы в него опускалась хоть одна женщина.

ГЛАВА 2

Воздух в палате хоть топор вешай. Все красные, распаренные, вино льется рекой, уже не столько в раскрытые пасти, как мимо, портки промочили, на полу лужи от вина и блевотины, груды костей, псы уже не дерутся, а обожрались так, что позволяют наступать на лапы, только бы не шевелиться... Гвалт несносный, орут и перекрикивают друг друга, каждый бахвалится своими подвигами, а чужих слушать не желает, кое-кто уже с окровавленными повязками: видать, за время его отлучки хваталась за ножи...

Стиснув челюсти, он несколько мгновений в полнейшем бессилии наблюдал за буйством. Власть любого князя держится на мечях его дружины. Здесь собрались сильнейшие, знатнейшие, за каждым старшим дружинником стоят его вои, смерды, земли, даже племена, с которых собирают дань и привозят ему в Киев. Не всю, конечно, часть по уговору остается на прокорм их собственных дружин.

Илью Жидовина бы, прозванного Муромцем, сюда, мелькнула мысль. Тот не любит этих разряженных, мигом бы обломал рога. Супротив него богатыря нет... Но Муромец сейчас на дальней заставе богатырской. Семь суток скакать до Киева без отдыха. Да и можно попасть из огня в полымя: сам Муромец не раз в пьяном угаре разносил кабаки, бил и калечил стражу, что пыталась унять... Самому князю дерзко грозился уши надрать...

Добрыня мог бы справиться, но тот либо в Новгороде, либо тоже с Муромцем на заставе. А Лешак, поповский сын, сам не справится. Да тоже сейчас на заставе, от Муромца не отходит...

При виде князя богатыри заорали, вскинули кубки. Сколько же вина в них помещается, мелькнуло в голове. Он широко улыбнулся, приветственно вскинул руки – обнаженные до плеч, длинные и толстые, перевитые сухими мускулами, настоящие длани воина.

По правую руку князя сидел сам Тудор Садмизович – начальник всех берендеев на службе Владимира, немолодой, слегка погрузневший, но еще способный вспрыгнуть на скачущего коня, пересест на скаку на заводного, не покидать седло двое, а то и трое суток. Он пихнул Владимира в бок:

– Что, лучше все-таки с батырами, чем с мудрецами?... Ха-ха!

Владимир ответил красивым мужественным голосом то, чего от него ждали:

– Мудрость к нам еще придет, когда головы покроются инеем. А пока в жилах кипит горячая кровь – будем веселиться!

За его столом радостно заржали, снова вскинули кубки. Взмывленные отроки сбивались с ног, едва успевая заменять пустые кувшины полными. Бесконечный пир вспыхнул с новой силой, словно костер, в который подбросили охапку сухого хвороста. Воевода Претич сам взялся прислуживать князю, наливал ему в кубок, заботливо подвигал ближе братины с хмельным медом, потчевал изысканными яствами. А когда старшие слуги пытались его за-менить, шугнул их, заявив громогласно, что это великая честь – служить столь великому князю, как на поле брани, так и за пиршественным столом.

За Тудором дальше сидел Кучуг – печенежский князь на службе у Владимира, далее разместились воеводы и знатные бояре: Волчий Хвост, Байдук, Улан, за ними – варяжский ярл Якун, а из богатырей за княжым столом сидели Ратмир, Ян Усмович, Андрих Добрянков, Казарин, а также только что явившийся с дальней заставы богатырской знатный богатырь Твердохлеб Длиннорукий...

Стол для богатырей, менее знатных подвигами, накрыли во второй палате, Серебряной, а в обширном княжьем дворе расставили столы для простого люда. Пусть всякий найдет место за столом, обильное питье, без которого на Руси не быть, и всяческую дичь, доставленную из дремучих окрестных лесов.

В палату вошли и встали за спинкой княжеского кресла два волхва: Стойград и Велетич. Оба многое умели и еще больше знали, могли лечить опасные недуги, зашивать рваные раны, постигали движение звезд, а в знании небесных сфер могли переспорить любых мудрецов Востока, но что простому народу движения небесных сфер? Гораздо важнее, что волхвы зрели в земле клады. Стойград на два заступа, а Велетич на все пять, так что нередко их сажали в крытые повозки, возили по окрестным землям.

Можно бы, конечно, одного Велетича, но больно стар, тряски не выносит, и как Владимиру ни требовалось закопанное золото скифов и других древних народов, все же волхвов берег, а к полуразмытым дождями и ветрами древним курганам волхвов доставляли в носилках из скрепленных копьев, как раненых бойцов.

Правда, так удавалось добираться только до кладов, закопанных простым людом или же разбойниками, а цари и полководцы свои сокровища хоронили под землей глубоко, ни один волхв не узрит, а для того чтобы скрыть следы, нередко копателей убивали, а по месту похорон прогоняли несметные табуны коней, дабы копытами вбили в землю малейшие следы работ...

Тудор что-то принялся рассказывать Кучугу, похохатывал, Кучуг то хмурился, то вскидывал брови. Владимир толкнул его локтем:

– Когда больше двух, говорят вслух.

Тудор мгновенно повернулся к нему всем грузным телом, стремительный и быстрый, несмотря на дородность и годы:

– Да о козлах все речь!.. Не понимает меня этот козел...

– Кто? – не понял Владимир.

К его уху наклонился Претич, сказал усмешливо:

– Гусляр сейчас пел!.. Не то песнь, не то притча, не то камешек в чей-то огород. Мол, два козла встретились на узком мостике через реку. Ни один не захотел попятиться, уступить другому. Начали бодать рогами, только треск пошел... Герои! Бились так, что искры сыпались. Ни один не уступал другому ни по силе, ни по ухваткам. В конце концов устали, сцепились нечаянно рогами, упали с мостка... и утопи в бурной реке.

Владимир пожал плечами:

– Подумаешь, козлы! А бараны разве не такие? У меня и баранов вон сколько...

– Такие же, – согласился Претич, он прятал усмешку. – А потом, как спел он дальше, по тому же мостику пошли с двух сторон две козы. Встретились точно так же на середке, ни одна не захотела уступить другой...

Тудор бесцеремонно вмешался:

– А я говорю, на мясо таких коз! От них и молоко дурное... И козлята пойдут уродами. Не бабье это дело – бодаться!

Владимир молчал, еще не зная, о чем речь, но чуя подвох, а Претич закончил победно:

– И козы придумали, чтобы ни одной не пятиться. Одна легла, другая осторожно прошла над ней, а там и первая встала, каждая пошла в свою сторону.

Тудор презрительно фыркнул, а Кучуг, дотоле молчавший, сказал сожалеюще:

– Не пойдет. То козы, а то козлы! Мужская гордость не позволит лечь, чтобы другой прошел над тобой. Это ж все равно что признать себя побежденным. Это ж всю оставшуюся жизнь помнить, что кто-то над тобой прошел? Нет, лучше в речку упасть.

Тудор ухватил в громадную лапищу кубок:

– Лучше красивая смерть, чем вот так...

К нему потянулись, кубки и чары звонко сомкнулись над столом, щедро разбрызгивая капли. Богатыри за дальними столами вставали с кубками, орали здравицу и пили стоя. Пили из объемных кубков, пили жадно, как в знойной пустыне, пили с одинаковой охотой хоть за великого князя, хоть за гордых козлов на узком мостике.

За дальним столом один из богатырей, Сиявуш, уже красный и потный от выпитого, внезапно хватил с размаху серебряным кубком по столу. Там даже не качнулось, стол из вековых бревен, но кубок смялся в лепешку. Сиявуш захохотал:

– Всего лишь серебро!

Его сосед, богатырь Волчий Клык, захохотал еще громче:

– Из чего пить будешь? Я не дам совать твоё кабанье рыло в мой!

Сиявуш грохнул кулаком о стол. Посуда подпрыгнула выше.

– Я пил у короля Олафа из золотых кубков!.. Когда служил у короля Кнута, мне подавали кубок из золота и с драгоценными камнями!.. А в Царьграде пил и даже ел на злате...

Гуляки, что только что хохотали над незадачливым богатырем, умолкли, начали прислушиваться. Претич легонько толкнул Владимира, указал глазами на захмелевшего богатыря, славного многими подвигами. Владимир уже и сам не спускал глаз с пьяного исполина. Богатыри за столами на глазах мрачнели. Старый богатырь по прозвищу Большой Топор внезапно пробурчал:

– Мне тоже приходилось есть на злате... Но разве мы не взяли богатую добычу из Царьграда? Я говорю о дани, что они платят. Сам видел, как с кораблей перегружали золотую посуду, кубки, ящик с золотыми ложками... Почему это у князя в сундуках? Разве мы не проливали кровь за то злато?

Сиявуш грохнул кулаком снова, взревел:

– Почему едим на серебре? А там, глядишь, из медной миски заставят лакать, аки пса?

Большой Топор ударил кулаком по краю стола:

– Серебро – это не злато!

– Злато!

– Злато!

Два огромных, как валуны, кулака потряхивали стол. Справа и слева перестали бражничать, тяжелые кулаки тоже пошли грохать о столешницу. Посуда подпрыгивала, двигалась к краю. Это развеселило, уже и другие начали мерно бухать по столу. Посуда запрыгала, кубки и блюда со звоном падали на пол, подпрыгивали. Псы снова жадно набрасывались на еду, рычали и дрались за лакомые куски.

За княжеским столом началось движение, прибежал отрок. Выслушал, унесся. Все видели, как преклонил колено перед великим князем, почтительно говорил, а князь потемнел, брови грозно сдвинулись. За другими столами богатыри подхватили клич Сиявуша, мощно били кулаками по столу. Их клич стал грозен, от него дрожали стены:

– Злато!..

– Злато!..

– Злато!!!

За княжеским столом перестали есть, все взоры скрестились на Владимире. Он чувствовал, как в груди на-чинает появляться холодная тяжесть. Оглянувшись, поймал взглядом Претича, тот остановился в дверном проеме и ожидающе смотрел на князя. Владимир подозвал взглядом, спросил:

– Ну, что теперь скажешь?

– Ты князь, – проворчал воевода.

– А ты военачальник!

– Воинские знания тут не помогут.

– Мне ничто не поможет, – ответил Владимир негромко. – Но я знаю, что, сохранив злато, потеряю дружину. А сохранив дружину, добуду еще и злато, и камни, и Жар-птицу, буде понадобится.

Шум стал грознее. Богатыри вскакивали, опрокидывая тяжелые дубовые лавки. Владимир проговорил быстро:

– Ракша, дуй к ним. Скажи, князь велел подать на столы золотую посуду вместе с красной скатертью. Скажи, так было задумано давно. Чтоб знали, что не они вытребовали, а так было по княжеской воле... А ты, Вертило, возьми эти ключи, быстро беги в мою потайную комнату. Открой все сундуки... ну, к которым ключи подойдут, достань все золотые кубки и блюда, бегом тащи вниз, пусть положат жареных лебедей или что там у них... Только быстро!

За столами малость успокоились, уже пронесся слух, что вот-вот подадут посуду из чистого золота. За дальним столом поднялся рослый длиннорукий богатырь, синеглазый и с длинными волосами пшеничного цвета. Родом из странного племени кумыков, о котором никто не слышал, но богатырь был отважен, весел, сумел многих одолеть в дружине Владимира, а на предложение остаться послужить радостно согласился.

Сейчас он стоял красиво и гордо, серебряную чашу с вином держал на ладони, а локоть отвел в сторону. Издали поклонившись Владимиру, он заговорил плавным красивым голосом, в котором словно бы слышались клекот горных орлов и прыжки оленей в его родных горах:

– Речь Сиявуша была великолепна и блистательна, как дорогой княжеский кинжал в золотых ножнах. А перлы его речи не уступают перлам в рукояти!.. Я не смею соперничать, я только хочу добавить... Как вот у каждого наряду с дорогим кинжалом есть ма-а-а-аленький ножик, совсем простой ножик, которым режут мясо, лук, хлеб, так эта моя речь – ма-а-а-аленький ножик, который я скромно кладу рядом с великолепным блистательным кинжалом Сиявуша...

Сиявуш сопел, бросал исподлобья огненные взоры. Все понимают, что маленький ножик в повседневной жизни нужнее, чем усыпанный яхонтами кинжал.

– Я добавлю, – сказал Батрутдин плавно, почти нараспев, – что слабый да скупой цепляется за злато, в то время как мудрый и сильный ищет опору в надежных друзьях. Наш великий князь мудр, он знает настоящую цену как любому металлу и драгоценным камням, так и настоящей мужской дружбе и верности!

За столами одобрительно закричали. По столам били кулаками, посуда подпрыгивала, стучали ножами по металлическим блюдам.

В палату забежали отроки, спешно собирали со столов посуду, ножи, ложки, медные и даже серебряные кубки. Следом вошли гридни постарше, взяли скатерти за углы, унесли с остатками еды. Тут же другие постелили чистые скатерки, а из дверей появились, встреченные веселыми криками, доверенные люди Владимира. За ними дюжие дружинники, красные от натуги, несли на широких подносах высокие горы золотой посуды, кубки, чаши, чары, ковши и ковшики, братины, гусятницы.

Под бдительным оком самого воеводы Претича золотые тарелки ставили перед каждым гостем, раздавали золотые ложки, а по всем столам расставили множество золотых чар и кубков. Владимир раскинул руки:

– Пейте, веселитесь, друзья мои! Что злато? Вы – мое истинное злато.

Ему ответили довольным ревом. Кто-то прокричал здравицу великому князю. Подхватили, заорали, застучали, поднялись так дружно, задевая вздутыми животами столы, что едва не повыдергивали из пола.

Внезапно словно холодный ветерок пронесся через необъятную Золотую палату. Даже синеватый дым исчез, все с поразительной ясностью увидели, как в дверях возникла гигантская фигура. Владимир ощутил, как взоры пирующих устремляются в его сторону. Оглянувшись, невольно вздрогнул. Страшная медвежья харя, глаза горят как уголья, пасть чуть приоткрыл, белые зубы блестят, длинные и острые, как ножи из лучшего булата. В правой руке Белояна

поблескивал высокий кубок... даже не кубок, а чаша, нет – чара. Простая, бока тускло поблескивают старой медью.

Белоян большей частью ходил по-медвежьи сторбившись, раскачиваясь и тяжело переступая короткими ногами в непомерно широких сапогах. На этот раз он двигался прямой, и все видели, что он выше любого из богатырей. В обеих руках, человеческих, но странно напоминающих медвежьих, смутно поблескивал кубок.

За столами, миготаясь, смотрели с ожиданием. Некоторые еще помнили высокого красивого витязя, ему не было равных ни в кулачном бою, ни в скачке на диких конях. В силе уступал только Муромцу, да из лука стрелял лучше Лешак, поповский сын, но... вдруг бросил все, надел вериги, долго скитался по дорогам, ходил в дальние страны, что-то искал, исхудал, иссох, но оставался все еще прекрасным и могучим, девки все так же грезили о нем, бегали следом, потеряв всякий стыд. А потом он вовсе ушел в волхвы. А чтоб служить только богам, не поддаваться красивым девкам, он вырастил себе страшную медвежью морду вместо некогда прекрасного лица...

Все напряженно следили, как он опустил перед Владимиром чару. Медная, потемневшая, узор на выпуклых боках полустерт. В напряженной тишине Тудор вдруг сказал:

– Волхв, я отдам тебе все золотые чаши из своего шатра!

Белоян молча качнул головой. Тудор предложил:

– И все серебряные!.. И стадо молодых кобылиц в придачу!.. Мало? Тогда и шатер свой...

Белоян прорычал:

– Хан, не трать слов. Ты умеешь видеть глубже, чем остальные, потому и стал ханом. И потому перешел к нашему князю... Но эту чашу нельзя продать или купить.

– Можно подарить, – сказал хан полутвердительно.

– Верно. Она... очень непростая. Ее сковали наши деды из упавшей звезды. Много лет служила старым волхвам, но... кончилось их время... Кончилась и служба этой чаши. Теперь владей ею ты, князь!

Владимир смотрел на чашу насупившись, в руки не брал. Сильным голосом, хриплым и подозрительным, молвил грозно:

– За дар благодарствую. Но что за толк, если потеряла свои чары? Рядом с золотыми кубками ей станет соромно.

Белоян жутко блеснул белыми клыками:

– Да, чары в ней уже не те. Но осталась махонькая особенность...

Он окинул палату прищуренным взором. За столами стихли еще больше, ждали. Владимир нетерпеливо постукивал пальцами по столешнице:

– Ну-ну?

– Ежели ее возьмет в руки богатырь, который не соврал о своих подвигах, то в чаше появится вино. Да не простое, князь! А то, которое пили наши отцы-прадеды.

Князь вопросительно изогнул бровь. За столами, где напряженно ловили каждое слово, радостно загудели. Белоян закончил:

– А ежели соврал, то пропадет и то, что было в чаше.

ГЛАВА 3

В мертвой тиши слышно было, как за окнами шумел веселый люд, в разных концах двора затянули песни. В палате все застыли, смотрели на князя и волхва. Владимир засмеялся мощно и грохочуще. В темных как ночь глазах заблестали оранжевые искры, словно пламя далекого пожара.

– Волхв! Ты не мог придумать лучший подарок!

Он ухватил растопыренной пятерней за мохнатую голову, притянул к себе, звучно поцеловал в узкий, как клин, лоб, оттолкнул, тут же схватил чашу обеими руками:

– Слушайте все! Только что Фарлаф вернулся с заставы богатырской. Он успел сообщить, как сразил трех великанов и огромного Змея Горыныча... Слава героям, что защищают землю нашу! Прими, Фарлаф, эту чашу, Расскажи подробнее, как все было, а мы слушаем жадно и уважительно.

Он протянул через широкий стол чашу, а Фарлаф, огромный и длиннорукий, захватил ее широкой ладонью под множеством взглядов. Массивный, как сторожевая башня, грузный, тяжелый, с обвисшими от тяжести плечами, он был из старших богатырей, что входили в отборную дружину князя, сами водили малые дружины на покорение племен, собирали дань для Киева. Сейчас он стоял слегка покачиваясь, длинные вислые усы падали на грудь, там блестела булатными кольцами кольчуга. Длинные волосы касались железных пластин на плечах, крупное мясистое лицо было в шрамах...

– Как со Змеем? – Он улыбнулся, молодецки расправил усы большим пальцем. – Мне поселяне сказали, что эта скотина с крыльями повадилась таскать скот, а потом Змей вовсе обнаглел: молодых девок ловил да таскал в свою нору! Как забредет какая дура далеко, а ему с горы видно, тут же налетит, сцапает. Пока стрелки прибегут, только хвостом в небе вильнет... Я, знамо дело, тут же оседлал своего буланого. Конь у меня зверь, сам ищет, с кем подраться! Поверите, однажды ночью оборвал узду, убежал на соседнюю заставу. Побил там ихних коней, а под утро вернулся... И я знать не знал, пока не пожаловались...

За столами зашумели, а Владимир напомнил:

– Ты про Змея давай.

– И про великанов, – закричали за столом.

– Да, как это с тремя?

– Змея чем побил?

Фарлаф откашлялся, выпятил грудь, и без того выпуклую, как сорокаведерная бочка. Голос богатыря прогудел как со дна этой бочки, неторопливо и небрежно:

– Да что особенного? Впервой, что ли? Подъехал к пещере, кричу: вылезай, зеленое! Кричал, кричал, наконец слышу недовольное: кто там? Я слез с коня, жаль губить друга, сам с мечом в руке шагнул в пещеру, кричу: это я, доблестный Фарлаф, который пришел к тебе биться смертным боем!.. Слышу – молчит, а потом спрашивает с недоумением: если биться, то биться, только зачем мне в задницу влез?.. Гм, что это я, не так было, больно вино у тебя крепкое, княже... На мой крик вылез Змей лютый, огнем дышит, крылами машет, зубами лязгает, как пес на муху. Ну, изловчился я, одним ударом срубил все три головы. Потом вывел из пещеры пленных девок... Ни одну пальцем не тронул, клянусь! Из них трое уже и так брюхатые. Видать, давно их похитил. Морды – во, на краденое-то мясе...

Голос становился все тише, а лицо вытягивалось. Взгляд был устремлен в чашу. Рядом поднялись еще двое, заглянули тоже, на их широких лицах расплылись злорадные усмешки. За столом засмеялись, смех перешел в хохот, а Фарлаф стоял красный, как вареный рак, на него уже показывали пальцами.

Фарлаф гаркнул взбешенно:

– Да брехня это все!

Он с размаху швырнул чашу об пол. Зазвенело, она подпрыгнула на уровень стола, покатилась позвякивая. Ее с хохотом поймали, Фарлаф орал и доказывал, что все волхвы – обманщики, дураят людей, тем и живут, всех их разметать бы деревьями. А то и к хвостам диких коней попривязывать...

Владимир, сам смеясь, подал чашу статному молодому воину:

– Ну-ка, добрый молодец. Мы все слыхивали, как ты в одиночку побил целый отряд лихих степняков! Держи чашу обеими руками... так, верно, волхв? А теперь повтори при всем честном народе, сколько их было в том войске, которое ты разметал сам-вдруг?

Воин встал, и без того румяное лицо залилось тяжелой кровью, побагровело под взглядами множества дружинников. Держа чашу у груди, сказал несчастным голосом:

– Это было на развилке дорог... Их было двенадцатеро, но со мной мой длинный меч, я ехал на коне-звере, а руки у меня никогда не устанут рубить супротивника!.. Я сам бросился на них. А они все десятеро сперва попятись, а когда наконец поняли, что не уйдут, то так всемером и налетели на меня. Визжали, размахивая саблями. Но что их шестеро сабель супротив моего меча? Я начал рубиться, двое тут же упали с седел, а еще двое попятись... поняли, с кем довелось встретиться! Я кинулся на них, зарубил последнего... а потом забрал всех коней, оружие и так с двумя конями в поводу приехал к твоему двору, великий князь!

Голос его становился все тише, губы дрожали, а глаза с такой надеждой заглядывали в чашу, что за столом смешки раздались то там, то здесь, остальные посмеивались негромко. Мальчишка совсем, приврал, даже бывалые врут, вон как Фарлаф, а этот уж очень жаждет выглядеть зрелым мужем, а у самого еще щеки в пуху...

...Владимир обводил пирующих горящим взглядом исподлобья, и там, куда падал его взор, веселье гасло. Волхв, то ли желая отвести в сторону княжий гнев, то ли преследуя нечто свое, шепнул с загадочной усмешкой:

– Ну, ты уже убедился, сколь доблестны твои богатыри... Но чаша может проверить и женщин!

Владимир перевел на него сумрачный взор:

– Как?

– Была ли верна мужу... Блюла ли честь девичью. Чаша соврать не даст!

Владимир властным жестом велел подать ему чашу. Та стояла одиноко на краю стола, к ней опасались даже притрагиваться. Малый отрок, которому хвалиться нечем, бережно отнес князю, но даже он держал ее на вытянутых руках, словно видел на дне гадюку.

С коварной усмешкой Владимир протянул чашу старому, но еще статному воину, у которого на лбу седые волосы были придавлены широким обручем из золота. А над переносицей зловеще блистал кроваво-красный рубин, знак княжеской власти. Князь журавлевцев, даже не просто князь, а светлый князь, что означает власть над группкой князей помельче. Так и не пошел под руку Руси, а крепости у журавлевцев надежные, народу много, так просто не осилить, приходится держать при себе торговлей, выходом в Царьград и в другие диковинные страны.

– Прими чашу, доблестный князь! И поведай, не случилось ли с тобой чего-либо необычного, что стоило бы рассказать на таком пиру?

Князь встал, прежде чем принять чашу, сдержанно поклонился в обе стороны, избегая даже видимости, чтобы поклон достался Владимиру:

– Мой поклон люду киевскому... Гм, случилось ли что-либо необычное?

Он перевел взор на женщину, что сидела по правую руку. Тоже немолодая, но увялая роза все равно красивей чертополоха, она выглядела княгиней больше, чем любая из жен Владимира, и это добавило краски гнева в его лицо. Женщина вскинула на него глаза, большие

и голубые как небо, ее полные губы дрогнули в сдержанной улыбке. Таким же задумчивым голосом она произнесла:

– Необычное?.. Вряд ли... Разве что те разбойники, что пытались нас ограбить под самыми стенами Киева?.. Но это, я думаю, обычное дело в княжестве, где не умеют защитить тех, кто кормит князя и дружину. Или те лешие, что вышли из леса и напали на одинокое село, где домики поставили слишком близко к деревьям?.. Но это необычно у нас... У нас мужчины не пьянствуют беспробудно в княжеских хоромах, похваляясь подвигами, а бдят и защищают.

Владимир все мрачнел, кожа натянулась на скулах, челюсти стиснул, даже кулаки сжал так, что костяшки побелели. Глаза его прожигали обоих насквозь. В палате повисла тяжелая тишина. Князь, все еще держа чашу словно в задумчивости, светло улыбнулся:

– Ничего не случилось, князь Владимир. Но разбойников я побил, их было с дюжину... Да и леших порубил. Еще над нами Змей пролетел, огнем дохнул, но я пустил каленую стрелу, в крыло поранил... Он тут же повернул, теперь сидит где-нибудь в норе, рану зализывает...

Руки его дрогнули, чуть опустились. За столами начали вскакивать, но в чашу заглядывать не пришлось, светлое вино колыхалось вровень с краями. Князь улыбнулся беспечно, поднес чашу к губам. Все затаили дыхание, глядя, как задвигался кадык. Князь запрокидывал чашу все сильнее, несколько капель сорвалось с губ, повисло на бритом подбородке, квадратном, раздвоенном посередине.

За столами раздался говор, разросся. Богатыри начали мерно стучать кубками по столу:

– Слава!

– Слава Круторогу!

– Слава князю журавлевцев!

– Слава настоящему витязю!

– Слава!

Князь запрокинул чашу уже вверх дном. За столами восторженно вопили. Он поймал языком последние капли, героя видно и за столом, другой бы запросил передых или свалился, а Круторог даже не шатнется. По ту сторону стола Владимир улыбается широко, но в глазах настороженность, да и улыбка застыла. Волхв наклонился, пошептал звериным рылом, Владимир вскинул руку, говор и крики несколько стихли. Он взял чашу, вперил недобрый взор в жену князя, сказал медленно:

– А теперь скажи ты, княгиня... О чем? Да о том, за что ценим и любим женщин. Скажи о своей любви и верности. О том, как ждешь, когда уходит в дальние походы! Как ждешь верно, блюдя честь женскую...

В голосе прозвучала угроза. За столами умолкли. Тишина настала гробовая, перестал жевать даже самый старейший из богатырей – Асмунд. Его глаза под набрякшими веками недобро взглянули на Владимира, потом перешли на жену князя. Она приняла чашу, лишь потом встала, высокая и все еще стройная, грудь высока, хотя выкормила семерых богатырей, хотя внуки уже с детских палочек пересаживаются на жеребят. Ясные глаза обежали палату, все взгляды скрестились на ней, она повернулась к Владимиру.

Князь наблюдал насмешливо. Княгиня слишком красива, да и нравы у журавлевцев, говорят, вольные. Княгиня же слишком красива и своенравна, чтобы сидеть как дура возле окошка и блюсти верность мужу, который достался ей лишь потому, что нужно было скрепить союз зареченцев и журавлевцев.

– Клянусь этой чашей, – сказала она чистым ясным голосом, – что у меня был только один-единственный мужчина в моей жизни... вот он, тогда еще не бывший князем. И что я ждала его честно, супружеской верности не нарушала... да и зачем, если я не встречала витязя краше и доблестнее?

В мертвой тиши она опустила взор на чашу. Брови ее приподнялись. Из-за соседнего стола вскочили любопытные, с двух сторон заглянули в ее чашу. Переглянулись, а с той стороны стола донесся нетерпеливый голос князя:

– Ну что там? Сухо?

Княгиня смолчала, Круторог сидел с каменным лицом, а другой богатырь ответил с недоумением:

– Да нет... Есть вино. Но мало.

– На донышке, – добавил второй.

– Наполовину, – поправил первый.

За столами смотрели то на жену князя, то на Круторога, то на князя Владимира. Владимир спросил у Белояна раздраженно:

– Разве такое может быть? Если верность – то верность, если измена – то измена! Как можно наполовину?

Белоян в растерянности развел руками. Владимир перевел горящий взор на жену князя. Круторог протянул к ней руку, сжал ободряюще ее узкую красивую кисть с длинными пальцами. Княгиня воскликнула, словно от прикосновения мужа обрела силы:

– Будь проклята ты, чаша, за свою ложь!.. Ты что же, не знаешь, что я лишь единожды нарушила девичью честь, когда убежала тайком из родного терема к молодому витязю, с ним целовалась и миловалась, уговаривалась бежать, если меня не отдадут за него?.. Но потом он сумел добиться моей руки, и теперь он муж мой, которому я не изменяла вовеки!

Чаша пошла вниз, налившись тяжестью. Княгиня удержала над самым столом, и все увидели светлое вино, что заполнило чашу до краев. Палата загремела такими восторженными воплями, что в раскрытые двери начали вбегать испуганные челядинцы, повара.

Круторог заметно посветлел, встал, обнял жену. Она поднесла ему чашу, они припали к ней вдвоем, а в палате все встали, орали и ликующе колотили кубками, а при ком были ножи или мечи, стучали ими по железу.

Владимир встал, совсем с не княжеской торопливостью обогнул длинный стол. Воины орали ликующе, кто-то выкрикнул здравицу и князю Владимиру, но одинокий голос потонул в восторженных кликах в честь княгини. Круторог и княгиня уже допили вино, у него только рожка побагровела, но глаза блестели, как у большого довольного кота, что стянул самую большую рыбину из-под самого носа повара на кухне, а княгиня прижималась к нему чуть смущенно, больно громко орут и славят, но вид у нее был гордый и достойный, только щеки покраснелись, как у юной девушки.

Владимир обнял князя, тот крепко, как старый дуб, поклонился княгине:

– Спасибо... Спасибо вам! Хоть вы... Вы показали, как надо...

Дрожащими руками он снял с шеи золотую цепь с алатырь-камнем. Круторог понял и слегка склонил голову, но так, чтобы не выглядело поклоном. Владимир надел ему цепь, поправил камень на груди сверкающей стороной вверх, а для княгини снял с мизинца большой перстень с загадочно горящим зеленым камнем:

– И ты, доказавшая всем, прими в дар... Нет, не за верность, за это награда в самой верности, а за то, что...

Губы его подрагивали, в глазах угрюмая злость уступила место совсем затравленному выражению, словно это был не великий и грозный князь, а бегущий от злых хортов испуганный оборванный мальчишка. Князь Круторог помедлил, потрогал цепь, словно еще не решив, взять или снять, покосился на жену, что стояла рядом, очень похожая на него, сказал неуклюже:

– Брось, княже... Если любит, то ждет.

Владимир прошептал:

– Да... Но витязей на свете много, а я не самый лучший. И все там, в Царьграде.

Голоса начали умолкать, многие услышали, как Круторог сказал веселее:

– Любовь зла, полюбишь и козла... И никакие витязи не помешают. Разве их не было и тогда?

Он обнял Владимира, как старший младшего, и Владимир жадно припал к груди старого князя, спрятал лицо, потому что губы дергались, в глазах щипало. Широкая надежная ладонь старого князя отечески похлопывала по спине, широкой и бугристой от твердых мышц, но сейчас это был плачущий ребенок, и Круторог торопливо утешал, потому что этот ребенок сейчас великий князь, в своих покаях хоть на стенку лезь, но перед дружиной должен быть силен, весел и чтобы все видели, что он уверен в постоянных победах.

Владимир перевел дыхание, с усилием выпрямился. На другом конце стола князя Круторога среди веселящихся дружинников выделялись двое мужчин, немолодых, с лицами темными от солнца, как кора старого дуба, непонятно какого возраста, чубы седые, но лица совсем не старческие. Один массивный, грузный, похожий на старого могучего медведя, а второй с насмешливым сухощавым лицом, глаза дерзкие, злые. Только они двое, не считая самого князя, явились в простых рубахах, хоть и вышитых, без кольчуг и доспехов. У обоих даже рубашки распахнуты одинаково на груди, бесстыдно обнажая волосатые заросли.

– Рудый, – сказал Владимир. Голос колебался, словно князь не знал, как обращаться к воину, который с виду простой богатырь, но чего-то в нем было больше, чем у простого могучего воина. – Ты что молчишь? Вы с Асмундом, я слышал, вернулись вчера с обхода реки Киянки. Сабля твоя выщерблена, а на щите царапины...

Богатырь, которого князь назвал Рудым, отмахнулся с небрежностью:

– Ерунда. Встретил троих... Один, правда, был колдун. Я спросил, зачем идут на наши земли. Ответили нагло, что надумали увести в полон наших женщин с десятков-другой. И если не посторонимся, а мы были с Асмундом, то и нас заберут свиной пасти...

– Свиной, – сказал кто-то понимающе, – значит, не хазары.

– Или те, старые, – поправил другой, – что иудеями так и не стали.

Владимир, зловеще усмехаясь, протянул Рудому чашу. Их взгляды встретились. Некоторое время смотрели один другому в лицо, затем Рудый принял чашу обеими руками. За столами воцарилась мертвая тишина. Все взгляды были на Рудом, на князя посматривали искоса, с опаской.

– Расскажи, – попросил Владимир тем же негромким голосом, в котором была угроза, – как ты с ними... Ведь ты с ними разделался, верно?

Рудый усмехнулся. Его глаза не оставляли лица Владимира.

– Хочешь знать, как было?... Да ничего особенного. Они решили, что они богатыри, раз на конях и при мечях. У тебя вот половина дружины таких!... Когда я их облаял... не за столом повторять, они сдуру напролом, как вон твой прут к накрытым столам. Доспехи у них, правда, крепкие. Потому сабля и пощербилась. Но сабля выстояла, а доспехи – нет. Уши срезать не стал, я ж не степняк, как вон ты, но кошели срезал, так что еще и завтра гуляю в корчме и приглашаю всех, кто со мной уже пил, а также тех, кто хочет со мной выпить...

За столами радостно зашумели, даже о чаше забыли. Рудый скосил на нее глаза, внезапно с проклятием отставил на вытянутые руки. Из чаши мощно хлынуло багровое вино, словно вобравшее в себя кровавый закат, широкими струями обрушилось на стол, взлетели брызги, гости вскрикивали, отмахивались, красные капли повисли на лицах, намочили доспехи, одежду.

Наконец поток иссяк, только в чаше еще колыхалось оставшееся вино, и было его вровень с краями. Рудый осторожно опустил чашу на середину стола. Туда сразу же полезли ковшиками, даже ложками, чтобы хотя бы язык смочить в волшебном вине.

Владимир спросил досадливо:

– Волхв, что скажешь?

Белоян ответил неспешно, Владимиру почудилась насмешка:

– Всякому видно, княже. Рудый все еще за подвиг чтит украсть у кого кошель или коня, жену увести... тьфу-тьфу на его седой чуб, в кости обыграть. А врага сразить на поединке – это ему неинтересно. За это ему платят.

– Ну и что? – спросил Владимир сквозь зубы, хотя начал смутно догадываться, в чем дело.

– А то, что там наверняка было не трое, а по меньшей мере пятеро... А то и больше, вон сколько вина перелилось!

Владимир стиснул челюсти. Да, Рудый из тех, кто не бахвалится воинскими подвигами. Он да еще Асмунд, два богатыря, что пришли из неведомых сказочных земель с его прадедом Рюриком. Сколько он помнит, все такие же широкие, огромные, грохочущие, независимые. Разве что Асмунд малость погрузнел, да и то не всяк заметит, да морщинки на лбу и у рта стали резче...

Он сказал резко, чувствуя, что голос звучит неприятно, но не в состоянии что-либо сделать:

– Асмунд, а что скажешь ты?

Второй богатырь неспешно жевал жареную ляжку вепря. Вопрос князя застал врасплох, он сперва удивленно повел очами, потом, сообразив, что спрашивают у него, прогудел густым сильным голосом, как говорил бы исполинский медведь, ставший человеком:

– А что... Могу и я... Только дозволю чашу держать у тебя над головой.

За столами, где на миг воцарилась тишина, загремел хохот. Богатыри орали и стучали кубками по столу, ржали как кони, иные от хохота вовсе сползали под столы. Владимир вымученно растянул губы в понимающей усмешке. Чертова дружина не знает уважения ни к князю, ни к богам, ни к устоям. Ради красного словца и князя продадут.

– Спасибо, – сказал он, губы растянул еще шире, вид беспечный, веселый, – у тебя вина хлынет еще больше, знаю! Веселитесь, ребята. Я пока покину вас, но еще вернусь.

ГЛАВА 4

Белоян проводил взглядом спину князя, а сам наклонился к уху Якуна. Старый викинг невольно отшатнулся, ощутив запах сильного и хищного зверя, а ладонь звучно шлепнула по широкому поясу.

– Тьфу, – выругался он. – Когда-нибудь я тебя на рогатину... Чего честной народ пугаешь?

– Так то честной, – прорычал Белоян, – а ты при чем?.. Слушай, ярл, что у тебя внутри скрипит, будто жернова мелют не зерна, а камни?.. Всякий раз, когда взглянешь вон в ту сторону, то слышу скрип.

Якун зло покосился на печенежского хана. Кучуг мелко хихикал, толстый живот колыхался как студень. Узкие глаза совсем закрылись, а длинные тонкие усы и бороденка висели как тощие крысиные хвосты. Тудор продолжал нашептывать ему на ухо что-то веселое, видно по роже, и хан уже слабо махал в изнеможении руками, умоляя замолчать, а то кончится прямо за столом...

– Я скриплю? – переспросил Якун злобно. – У меня зубы не скрипят, а... даже не знаю, с какой бы легкостью перемололи ему кости!

– Ты его не любишь, – сказал Белоян грустно.

– Еще бы!

– За что?

– Этот черный... – едва выговорил Якун с сильнейшим отвращением, – этот чернозадый... он зарится на мое золото!

Белоян сказал рассудительно:

– Вряд ли... У хана своего золота столько, что куры не клюют...

– Дурак, – рявкнул Якун. Лицо его стало страшным. – Говорят, ты был человеком? Видать, и тогда был дураком. Я говорю о настоящем золоте – моей дочери. О золоте ее волос, о ее нежной коже, белизне которой завидуют березы и наши северные снега, чище которых нет на свете, о ее свете... И чтобы это грязно-черное посмело коснуться моей дочери? И даже мечтало испоганить нашу золотую кровь богов? Чтобы дети моего рода, что всегда рождались с золотыми волосами... Нет, я не могу даже вслух такое!.. Чтоб среди таких золотых детей появился урод с темной кожей? Ну, пусть не темной, но все эти степняки всю жизнь не моются, от них несет конским навозом, а волосы их черные, как их души!

Похоже, Кучуг все слышал, сидит недалеко, смеяться перестал, в узких глазах блеснула лютая ненависть. Ярл викингов страшно кривил лицо, губы дергаются, а руки шарят по поясу в поисках ножа. Белоян горестно вздохнул, поклонился и отступил.

Улучив время, он подсел слева от Кучуга. Тот что-то рассказывал князю, Владимир вежливо двигал уголками губ, но глаза оставались замороженными. Рядом два места пустовали, бояре то ли вышли подышать, то ли уже под столом. Белоян сел, разом заняв оба места да еще потеснив соседа, налил Кучугу в знак уважения собственноручно:

– Хорошо тебе, хан... Пьешь как чип, но под столом я с тобой еще не встречался.

Кучуг засмеялся довольный, сразу забыв даже о великом князе, а Белоян перехватил искорку благодарности в глазах Владимира.

– Мы, степной народ, крепки в кости! А наш черный кумыс не слабее здешних слабых вин...

– Наслышан много, – кивнул Белоян, – но пробовать не приходилось. Уже чудится, что никакого черного кумыса нет, все брехня собачья... Чего только в Степи не померещится, когда мухоморов нажретсясь!..

– Мы мухоморов не жрем, – огрызнулся Кучуг уязвленно. – Это на севере жрут, как олени траву!

– На севере?

– Да. Всякие там мурманы...

– Не за то ли ты так северян не любишь? – обронил Белоян. – Я знаю, один северный властелин хотел бы породниться с тобой...

Широкие брови хана сдвинулись, лицо окаменело. От него сразу повеяло холодом, а волхв, более чувствительный, чем когда был витязем, ощутил ледяной озноб во всем теле, а под ложечкой заныло, растеклась тянущая боль. Тонкие губы хана раздвинулись, Белоян услышал не голос, а скорее змеиный свист:

– Скорее небо упадет на землю, рыбы пойдут по суше, а птицы зароятся в норы, чем мы, гордые степняки, дети безбрежной степи, унижимся до союза с нищим сбродом, пропахшим рыбой!

Белояну даже почудилось на миг, что между губ хана мелькнул раздвоенный язык, но движение было настолько быстрым, что он только мигнул в растерянности. Рука дрожала, когда снова попытался наполнить хану кубок.

– Ярл Якун совсем не нищий. У него злата...

Кучуг прошипел зло:

– Да какое у них злато? Едва где-то своруют, тут же в землю зарывают. Что за вера, будто это приносит удачу? Народ на берегу Северного моря туп, глуп, ленив и неповоротлив. Даже драться не умеют, а их викинги – смех для гордого сына степей!

– Викинги захватили многие страны и стали там господами...

– Только потому, что теми землями побрезговали сыны Степи, – отрезал хан надменно. – Что может быть лучше для настоящего мужчины, чем мчаться на быстром, как ветер, коне, а степь чтобы мелькала под копытами, ветер свистел в ушах, а впереди простор, простор, простор... У нас это в крови, в крови даже у женщин. Потому только наши мужчины могут быть достойны наших женщин...

– Только?

Хан коротко взглянул на Белояна:

– Ну, еще и немного славяне. Вы все-таки тоже общаетесь с конями. Хотя, по чести говоря, это такое жалкое зрелище... Но викинги – смех!.. Они же боятся лошадей. Ты хоть одного видел в седле? И я нет. Викинги никогда не садятся на коней. А что за мужчина, который в бой идет пешим, как корова? Да что в бой: к женщине, к другу, к соседу? А разве можно охотиться не на коне?.. У нас ребенок спит в люльке, подвешенной к седлу скачущего коня!

Внезапно к левой стороне головы Белояна словно приложили глыбу льда. Он торопливо скосил глаза. Ярл Якун нехотя отвернулся, но Белоян продолжал ощущать холодную волну ненависти, что шла от гордого вождя викингов.

– Огонь и лед, – пробормотал он потерянно. – Огонь и лед...

– Что с тобой? – участливо спросил хан. – У тебя руки трясутся, будто курей крал... Хотя медведи разве по курам умельцы? Я слышал, вы все баб в берлоги таскаете... Оттого славяне все такие... медведистые.

Темное небо нещадно блистало мириадами звезд, но на востоке светлел виднокрай. Вот-вот в небе ликующе вспыхнут пурпуром облака, а радостный алый свет поползет вверх по небесному куполу.

Внизу от ступенек кашлянул воевода Претич, деликатно напомнил задумавшемуся князю, что властелины никогда не бывают без надзора. Ступеньки чуть скрипнули, воевода дородностью гордится больше, чем победами в походах, а густым голосом, старательно его приглушая, пророкотал:

– Надо слово молвить, княже.

Владимир спросил с безнадежностью:

– Опять неприятности?

– А как же иначе? – откликнулся Претич бодрым голосом, но князь уловил напряжение и усталость. – Мы у самого края мира! В обжитых землях нас так и зовут – Украина белого света. Так что нам драться каждый день... И если там, в старых землях, бьются друг с другом, то мы пока что очищаем эти земли от чудовищ, леших, болотников, Змеев, смоков, Кощеев.

Владимир отмахнулся:

– И друг с другом деремся, только шерсть летит. А то и клочья. Что-то не говоришь сразу... Видать, в самом деле гадость велика.

– Да нет, просто тревожно на кордонах.

– На каких?

– Да на всех. Как будто нас пробуют на зубок. Дня не проходит без крови... Даже большой. А наши силы не так уж и велики...

Владимир оскорбленно вскинулся:

– Кому такое говоришь?

Воевода прямо взглянул ему в глаза:

– Человеку, который, в отличие от здешних бояр, что не слезают с печи, побывал и у мурманов, и в набеге на западные земли, служил в Царьграде, дрался в Степи... Пусть не все по своей воле, но многое зрел! И знаешь, сравнимо ли твое княжество, пусть и великое, с мощью Царьграда.

Владимир отвел взор. Претич, похоже, пожалел, что задел старую рану. Владимир глотнул комок в горло:

– Сейчас, да... Но я только что взял власть... Но сделаю все, чтобы мои дружины могли смыть пот и пыль дорог в синих водах Дарданелл! А в Царьграде на главной площади поставлю столб Перуна, отлитый из чистого золота.

– Да-да, конечно, – торопливо согласился Претич. – Но давай посмотрим на кордоны... По ту сторону Днепра лежат земли хазар... Сам могучий каганат разгромил твой доблестный отец, яростный был воитель, но остались каганы, кагановы дети, кагановичи... Вольются ли в твою Русь или же возьмутся за свои кривые сабли? С севера блещут мечи норманнов. Они уже захватили земли галлов, даже Париж, грабят Британию, только нас пока сломить не могут... С запада бьются, истекая кровью, славянские племена бодричей и лютичей, закрывая нас от императорской армии... Надолго ли хватит их сил? Если германцы их сломят, то ударят в наши кордоны... С юга, как волны моря, бьют в наши стены племена печенегов и других степных народов... Но хуже всего враг, что совсем близко! Лишь Киянский лес отделяет нас от древлян, а за теми вплотную расположена дрягва. И те и другие снова не признают нас! Грозятся вот-вот прийти и сделать с тобой то же, что сделали с твоим дедом!

Владимир смотрел сумрачно:

– А налоги платят?

– Пока платят.

– Ну и оставь их пока, – рассудил Владимир. – От слов до дела у здешних славян длинная дорога. Это не печенеги... Славянам нужно время, чтобы разъяриться, пену пустить, рубахи на груди порвать. Правда, тогда почище берсерков. Если идти на Искоростень, половину войска потопим в болотах, пока доберемся. Пусть шумят...

– На что-то надеются, – предостерег воевода.

– Пока дань платят, – устало повторил Владимир, – не обращай внимания. Со мной что только не обещались делать!

– А дрягва?

– Пусть и дрягва шумит, – отмахнулся он. – Мы растем, матереем, входим в силу, а дрягва как сидела в болотах, так и останется. Скоро перерастем ее так, что сами приползут на брюхе, чтобы мы ненароком не раздавили, даже не заметив.

После ухода воеводы он еще долго стоял, всматриваясь в неземной алый свет, что заливает с востока перевернутую небесную чару. Серый дотоле мир мгновенно вспыхивал и становился разноцветным: серые деревья стали зелеными, серые крыши радостно заблестели гонтой, а внизу неопрятные соломенные крыши расцвели настолько радостным оранжевым огнем, словно из золота высшей пробы...

Сзади дохнули в шею, он моментально развернулся, уже чувствуя, как кинжал убийцы пронзит его спину. Страшная медвежья харя смотрела укоризненно.

– Чего испужался?.. Это еще поглядеть, кто из нас страшнее.

Владимир огрызнулся:

– Я себе зверячью голову не наколдывал!

Белоян прорычал угрюмо:

– Думаешь, от трусости?.. Ладно, правильно думаешь. Я не чувствовал в себе сил бороться с похотью, не мог долго противиться уговорам выпить... Зато теперь могу заниматься волховством сколько душе угодно! Ни одна девка на меня не глянет, да и сам я, помня о своей роже... Словом, ничто меня не отвлекает от мудрых дел. А вот ты... Хошь, и тебе такую же рожу наколдую?

Владимир отшатнулся:

– Спасибо, не надо!

– Пошто так?

– Я еще надеюсь, в отличие от тебя...

Волхв взглянул остро:

– Только надеешься? Я знаю, чем занимаются твои лазутчики, что под видом купцов наводнили Царьград. Да только, на твою беду, знают и царьградские маги.

– Ну и что?

– А то, что твои усилия... ну, в прошлом году, позапрошлом, не пропали даром. Ты чем-то напугал их, а кое-где и в самом деле больно щелкнул по носу. Они встревожились! Тебя начали принимать всерьез. Не скаль зубы! Это значит, что нами уж занялись.

Владимир быстро окинул мысленным взором просторы между Царьградом и Новой Русью. Войско ромеев до Киева не доберется, истребят по дороге, ибо идти через дремучие леса, переправляться через быстрые реки, где побеждает тот, кто знает местность. Если придут послы, то уже известны их упреки в нарушении договоров...

– Кто занялся? Базилевс?

– Для базилевсов ты пока мелковат. Но вот маги... Им наше княжество встало поперек горла. А тут ты еще восхотел такое! Может, сгоряча да по дури ляпнул, что пойдешь на Царьград и те земли станут русскими, но маги встревожились. Я сперва удивился было, умные же люди, чего дурня слушать, а потом поглядел на звезды, послушал шум ветра, порылся в книгах... и будто поленом по затылку! Ты в самом деле очень опасен...

Владимир слушал с жадным интересом, но в глазах было злое нетерпение. Волхв не сказал ничего нового. Он и так знает, что Царьград падет под его полками. И подкованные сапоги русичей прошагают по его руинам, сея смерть и обильно проливая кровь...

– Ты не растекайся мыслью по древу, – посоветовал он. – Откуда видно, что они всерьез?

– Чую.

– Как жаба дождь?

– Похоже. Но еще и вижу.

Владимир насторожился:

– Ого, что-то новое.

– Темная туча идет от Царьграда к нашим землям. Но не простая туча, даже не грозовая. Я пытался проникнуть, но темна как деготь. Пробовал рассеять или своротить с дороги – ан нет, прет как стадо туров, все сметает. Стая гусей пролетела близь, так одни перья по ветру...

Владимир нахмурился. Тучу остановить либо отогнать от своего села на чужое может любой деревенский колдун. Но если сам верховный не сумел совладать, то тучка очень непростая. И скрывает нечто важное. Настолько важное, что не один маг укрывает ее своей мощью.

– Хорошо, что узрел, – сказал он, чувствуя, что волхва надо подбодрить. – А увидим, где остановится, будем готовы. Можно послать конный отряд, чтоб сопровождал! Буде из нее выпрыгнет какой зверь или человек, чтобы повязали или посекали немедля.

Волхв озабоченно покачал мохнатой медвежьей головой:

– Туча идет слишком быстро. Не успеешь. Думаю, надо ждать здесь. Ты каких-то людей держи трезвыми... И пусть руки с топоров не снимают. Я не знаю, чего ждать. Впервые, веришь ли, я не могу узнать, что там во чреве...

Владимир едва удержался от желания погладить по лохматой голове, как простую собаку. Волхв удручен, ибо, превосходя царьградских магов в силе, уступает в искусстве. Недаром говорят, что мощь приходит из глуши, а в столицах только обретает блеск. Но сейчас, похоже, даже мощь оказалась на стороне царьградцев. Что не удивительно, подумал Владимир хмуро. В столицу мира стягиваются, замороженные блеском, из диких лесов, высоких гор, жарких пустынь самые ярые, смелые, отважные, жадно вбирают в себя весь блеск и достижения старой умирающей цивилизации... и незаметно начинают служить ей, ибо за годы учебы уже вросли в ее быт, ее обычаи, успели обзавестись друзьями, а то и семьями. Некоторые из этих диких пришельцев в звериных шкурах становятся даже императорами, иные – высшими магами, третьи – стратегами, казначеями, флотоводцами...

– Да, – протянул он задумчиво, – там есть крепкие парни...

Волхв коротко взглянул на князя, смолчал. Варяги рассказывали, что одним из самых крепких парней там был сам Владимир, тогда служивший при императорском дворце, быстро поднимавшийся вверх... но вдруг оставил все, вернулся на Русь, где с горсткой варягов захватил сперва Новгород, затем и Киев... И ни для кого не было тайной, зачем он это сделал.

ГЛАВА 5

По ту сторону далеких ворот слышались веселые вопли. Тут же раздался могучий глас, от которого дрогнуло крыльцо, а с забора снялись, раздраженно каркая, крупные вороны. Через двор от терема побежали дружинники. Владимир наблюдал, как, отталкивая друг друга, вытаскивали запер.

Створки распахнулись, во двор въехали с улицы двое богатырей. Оба на огромных тяжелых конях, но сразу чувствовалось, что один, юный и безбородый, пока что щенок рядом со вторым, тяжелым, как скала, грузным матерым волком. Из-под остроконечного шлема зло и недоверчиво смотрели круглые глаза навывкате, а злодейская черная борода с проседью поднималась почти до глаз. Голова богатыря сидела прямо на плечах, непомерно широких, обвисших под своей тяжестью. Раздобревшее тело обтягивала кольчуга из крупных колец, на правой руке висела железная булава, от одного вида которой по спине бежали мурашки. Неужто есть на свете люди, которые могут такое поднимать?

Они неспешно въехали во двор, дружинники шли рядом, держались за стремяна, что-то вопили, перебивали друг друга. Старший богатырь хмуро кивал, а младший хохотал, показывая ровные белые зубы. Был он бел лицом, румян и мог бы сойти за красную девицу в мужской одежде.

Когда богатыри на конях приблизились к крыльцу, Владимир сказал первым:

– Приветствую вас, богатыри! Добро пожаловать в Киев, доблестный Илья по прозвищу Муромец. И тебе Лешак, отважный витязь!

Илья грузно спрыгнул с коня. Земля дрогнула и качнулась, а молодой богатырь спорхнул так, что и пыль не потревожил под ногами.

– И тебе слава, – прогудел Илья. Он тут же добавил, морщась: – Но мы ненадолго. Только подновить запасы, а то хлеб не везут с неделю, соль вышла, за чесноком ездить далековато...

– Но от пиру-то не откажешься?

– Всего на денек, – ответил Илья мощно, и снова Владимир ощутил, как легонько дрогнула земля. – Меня город душит. Я степняк... Мне нужны ночи на просторе, чтобы я зрел черный купол за дальними кострами моих прародителей. Чтобы видел хвостатые звезды, диво дивное...

Владимир сказал, морщась:

– И что же, охотой прохлаждаться всю жизнь?

– Зачем охотой? – удивился Илья. – Моего каганата уже нет... а то, что осталось, уже так... полулюди... Даже свиней пасут, виданное ли дело? Скоро и есть начнут... Я присягнул еще твоему отцу! Мол, буду служить Руси, беречь и оберегать. Так что я не зазя на рубежах. Супротивника надо перехватывать до того, как разобьет шатры под стенами Киева!

Владимир подался вперед:

– Что-то задумал помимо застав?

– Да.

– Ну-ну, говори.

– Есть задумка... Что одна моя застава богатырская? Это так, для удали. А вот создать целую полосу... Выслать далеко в Степь по три-четыре удальца с заводными конями. Вышки поставить, чтобы издали можно было заметить всякого. Если мал числом, то сами справимся. Ежели большое войско, то пошлем одного за помощью. Но чтоб ни один отряд не проскальзывал до самого Киева незамеченным, как что ни день, то донине!..

Он степенно поднимался на крыльцо к князю, на ходу похлопывал по одежде, стряхивая дорожную пыль. На крыльцо, услышав довольные крики, вышел подгулявший Претич. Увидел Илью, заржал как сытый конь:

– А, хазарин! Княже, ты ему доверяешь? Все они головорезы, а в портках у них обрезы. Илья нахмурился, надоело это дурацкое ржанье:

– Моим обрезом тебе подавиться хватит. Хочешь проверить?

Он начал приближаться с угрожающим видом, но на нем повисли как цепные псы, хохотали, обнимали, хлопали по плечам:

– Илья, шуток не разумеешь?

– Ха-ха, и хазар уже, почитай, не осталось, а он все Тенгри-богу жертвы носит!

– Какое Тенгри, ежели хазарин? В субботу режет барана Яхве, в воскресенье ставит свечку Христу, в понедельник жжет цветы Аллаху, во вторник...

Илья стряхнул их руки, как осенние листья, а Претич на всякий случай отодвинулся, предостерегающе выставил ладони:

– Илюша, да как ты мог такое подумать?... Да чтоб я на тебя такое сказал всерьез?... Да не зря ж Дашка, дочь Аслама, за тобой бегают, а уж она, стерва, побывала под всеми дружинниками и смердами, под их жеребцами и собаками, даже медведя, гряд, отыскала осенью в берлоге, всю зиму его доставала своей ненасытной похотью, в шатуны подался, бедолага, а вот за тобой как бегала, так и бегают!..

Вокруг хохотали, хлопали по широкой, как стена, спине, плечам, тащили в палату к накрытому столу, а он ворчал и люто сверкал глазами, не зная, то ли принять как похвалу, то ли рассердиться пуще, не зря же остолопы гогочут, будто он вышел к княжескому столу, не застегнув портки...

Второй богатырь, Лешак, бросил поводья отрокам, придиричиво проследил взглядом, чтобы бегом повели вдоль двора, охлаждая, ни в коем разе не сразу к водопою, лишь тогда живо взбежал, вежливо поклонившись князю, на крыльцо. Его не зря дразнили, а потом к нему намертво прилипло прозвище Попович. В самом деле, жила себе молодая вдова, кормилась пряжей и шитьем, расторопная и бойкая, ей платили за одежки боярыни и даже воеводские жены. Приставучих мужиков отшивала быстро, но как-то повадился к ней немолодой уже священник, которого княгиня Ольга привезла из Царьграда для душевных бесед о высоком, о небесной мудрости, о движении звезд...

Но княгиня вскоре преставилась, а Святослав, который и раньше терпел церкви чужого бога только ради матери, тут же велел разорить, сровнять с землей. Священник, от которого ждали покорности и богобоязненности, вдруг то ли на земле Новой Руси растерял овечью покорность своей веры, то ли вознамерился обрести мученический крест, но этот престарелый сразу зашиб троих насмерть, а еще и выбирал только дружинников, плотников не тронул, а потом подхватил меч и щит убитого, кинулся на целый отряд.

То ли не ожидали, вороны, то ли еще чего, но бесноватый упал под мечами и топорами не раньше, чем усеял паперть трупами. Говорят, кровь бежала ручьями. Уцелевшие, наскоро перевязав раны, вернулись к Святославу, а тот лишь покачал головой и велел похоронить старика с воинскими почестями вместе с убитыми им русами.

Святослав тогда решил, что священнику просто повезло, застал врасплох, но его волхв присмотрелся к убитому, покачал головой. Дело не в магии, священники ею не пользуются, у старика оказалось сухое сильное тело бывалого воина. Не просто воина, а героя, как называют богатырей в Царьграде. Волхв и сейчас мог бы сказать, какие мышцы тот развил бросанием копья, какие мечом, какие прыжками, а какие бегом с мешком камней на плечах...

В день его смерти у вдовы родился мальчик. Поговаривали, от плача и слез родила недоношенного, слабенького, еле выходила. Мальчишка словно чуял свою слабость, с детства учился быть хитрым, а где силой не удавалось – брал напуском. Однако рос, матерел, в десять лет уже одной рукой бросал на землю взрослых парней, а когда исполнилось пятнадцать, на земле Киевской не было мужика, что устоял бы в силе. Конечно, супротив богатырей был что

муха супротив пса, но в дружине его заметили, взяли в отроки, затем перевели в младшие дружинники, а потом и вовсе взяли в дружину.

В отличие от других богатырей, он был лицом румян, как девица, с длинными ресницами, пухлыми щечками, к тому же любил наряжаться, обвешиваться побрякушками. Кто не знал его, не мог утерпеть от злых шуточек. И тут же оказывался на земле, глотая кровавые сопли. А Белоян еще тогда сказал Владимиру в задумчивости:

– Не знаю, к добру или к худу, что та баба родила прежде времени...

– Что так?

– Каков бы он был в полной силе? Хорошо, если на нашей стороне, а ежели нет?

Сейчас Владимир перехватил такой же задумчивый взор Белояна, бросил насмешливо:

– Уже и Лешаку не доверяешь?

– Лешаку доверяю, – ответил волхв все тем же раздумчивым голосом, в котором рык уступил глухому ворчанию, – а вот Алеше Поповичу... гм... не знаю, не знаю.

В Царьграде сухой ветер с границ Степи сменился ветром с моря. Всю ночь через широко распахнутые окна вваливался мокрый, как губка, воздух, а под утро снова задул резкий, сухой, жаркий, словно Царьград разом с берега теплого моря перенесся в середину Дикого Поля...

Князь церкви раздраженно встал из-за стола, огромного, как арена ипподрома. В окна брызнуло утреннее солнце. Застоявшаяся за долгое ночное бдение кровь начала пробиваться в онемевшие члены. Да, ветер дует из тех мест, где совсем недавно был их союзник – могучий Хазарский каганат, уничтоженный вдрызг возникшими из ниоткуда русами...

В груди больно покалывало, раздражение перешло в злость. И сухой воздух, всегда вызывающий изжогу, и то, как неудачно поставили себя отцы церкви здесь, в Царьграде... Было время, когда ходили в лохмотьях и прятались в пещерах, но когда пришли к власти, когда император Константин увидел вещий сон: ему явился огненный ангел, и вручил знамя с крестом вместо привычного римского гордого орла, и заявил: «Сим победиши!», из гонимой церкви стала гонительницей, яро и победно преследовала прежних мучителей, платила им той же монетой по всей империи...

Но в ее западной части тамошние отцы церкви сумели поставить себя независимыми от светской власти. Более того, короли и императоры униженно просили у них – милости, приползали на коленях, вымаливая прощение! А здесь церковь под пятой власти. Церковь служит власти, укрепляет власть, доносит о тайнах исповеди власти. А даже сейчас, когда базилевс занят войной с арабами и прочими несущественными делами, церкви приходится думать об укреплении империи своими путями. Самый важный из них – распространить веру в Христа на северные страны, что набегами подтачивают несокрушимые стены империи.

Он ощутил, как кулаки сжались сами собой. Как будто это просто: заслал миссионеров, а те легко и без усилий убедят славян отказаться от их имен и взять взамен иудейские и греческие, убедить уничтожить своих родных богов и поставить церковь чужого им по облику бога! Нет, прольется и крови немало, и тайных убийств будет, и тайных деяний, от которых содрогнутся слишком щепетильные души. Святая церковь в реальной жизни не может подставлять левую щеку ударившему по правой. Она бьет сама, бьет еще раньше, бьет с упреждением, бьет и невиновного, ибо невиновные все равно пойдут в рай, а вину церкви простит... сама церковь, ибо у всемогущего бога должны быть и всемогущие слуги.

За дверью слышались торопливые шаги. Грубый голос помощника рывкнул: кто и по какому делу, затем створки бесшумно распахнулись. Часто кланяясь, вошел молодой священник, глаза горят преданностью, жаждой служить святому делу.

Князь поморщился. Вместо преданного дурака, искренне верящего в святость их дела, предпочел бы прожженного проходимца, с тем работать проще, понимает с полуслова. Но в то

же время от умного проходимца жди подвоха, каждый мечтает спихнуть и сесть на его хлебное место, а этот чист, честен, благостен...

Скрывая раздражение, князь милостиво улыбнулся:

– Рад, что ты явился так быстро. Но давай сразу о деле. В твоём приходе северная часть города, где Славянский квартал. Там и дома русов...

Священник низко поклонился:

– Это ваша святость встала... я даже не знаю, как рано. А я лишь на рассвете...

– Вместе с солнцем, – улыбнулся патриарх. – Так что со Славянским кварталом?

– Русы того квартала уже скупили дома в соседнем, – сообщил священник, он поклонился. – Тот так и зовется теперь – Русский. А следом идет Армянский, но там своя церковь...

Владыка поморщился:

– Раскольники, свое толкование... Ладно, что скажешь о русах?

– Купцы, – ответил священник осторожно. – Одни купцы, а также их люди. Склады, товары... Постоянно проживает меньше четверти. Остальные почти всегда в дороге. Возят товары взад-вперед. И морем, и сушей. Живут порознь, но объединены в общину. Во главе – купец Зверодрал, а во главе собственной стражи... ну, забредают когда любители побуяннить, то русы таких вышвыривают, не дожидаясь прихода городской стражи.

– Самоуправство?

– Да, но властей это устраивает. Русы сами поддерживают порядок в своем квартале, а налоги платят исправно. Во главе этой охраны стоит некий Збыслав. Тот самый, что третий год побеждает на турнире...

Князь церкви нахмурился:

– Язычник побеждает воинов, которые идут в бой под сенью креста?

– Ну, – сказал священник осторожно, – пути Господни неисповедимы... Возможно, он на что-то указывает нам.

Патриарх покачал головой:

– Нет. О нем уже пошли слухи. Слишком восторженные! Мы не можем допустить, чтобы слава язычника была выше славы воинов Христа. Слушай, брат Игнатий. Я хочу приблизить тебя к себе, но для этого ты должен выполнять кое-какие трудные дела... негласно. Не все, что делает церковь во славу Господа нашего, должен знать простой люд.

Священник рухнул на колени:

– Я все сделаю! Жизнь отдам...

Князь милостиво улыбнулся, однако голос оставался жестким:

– Возможно, придется отдать большее, чем жизнь. Тебе предстоит выдержать самое тяжкое: сомнения в правоте нашего дела!.. Да, такое бывает со слабыми душами. Дело в том, что для того, чтобы дойти к сверкающей вершине, иногда надо переправляться и через реки, полные смрада и нечистот... Словом, тебе предстоит отыскать среди своей паствы чернокнижников, сатанистов, тайных язычников... Понимаю, они не заявляют о себе так, иначе их ждет костер, но ты, верный сын церкви, должен знать таких... Открою тебе, сын мой, что святая церковь иногда пользуется их услугами. К вящей славе Господа, разумеется.

Юный священник с недоумением посмотрел на главу церкви:

– Если я правильно вас понял...

– Да, – ответил тот резко, досадуя на тупость младшего. Все надо разжевать, назвать своими именами, ткнуть мордой, хотя удобнее бы остановиться на недомолвках, намеках. Слово опасно, когда сказано прямо. Впрочем, этот может быть не простаком, каким прикидывается, вынуждает говорить прямо, чтобы потом: я, мол, только выполнял приказы. – Сын мой, ты должен переговорить с таким человеком.

– Но ведь это грешно, – возразил священник робко. – Нечисть – это лики дьявола, а мы, святая церковь...

– Святая церковь истребила нечисть в Римской империи, – сказал патриарх резко. – Но часть ее затаилась... А мы уже настолько сильны, что вреда она нам не причиняет. Более того, мы даже используем их злые чары на пользу и благо церкви! Ты должен найти путь... достойный церкви, чтобы обезвредить этого Збыслава. Не убить, не зарезать – это лишь вызвало бы к нему симпатии, а он должен проиграть бой на турнире, что состоится через две недели! Проиграть нашему герою, который выйдет на поединок под знаменем Христа, а перед боем прилюдно поцелует крест.

Молодой слушал истово, преданные, как у пса, глаза не отрывались от грозного лица князя церкви.

– Да, это послужило бы на славу церкви...

– Кроме того, мы заинтересованы ослабить защиту Русского квартала... Нам не нравится, что засылаемых нами людей находим на дне бухты... с камнями за пазухой. Когда этот Збыслав будет побит, нам легче установить свой контроль. А святую церковь сперва утвердить в их квартале, а затем и на их дикой Руси.

ГЛАВА 6

Священник, часто кланяясь, словно сатрап персидского царя, пятясь, отыскал задом дверь и неслышно растворился в полумраке коридора. Патриарх раздраженно откинулся на спинку кресла.

Вера верой, но простому народу нужны простые проявления мощи нового бога. Говоря проще, чудеса. Сами священники могли только рассказывать о том, как их бог ходил по воде, одним хлебом накормил толпу, исцелял больных прикосновением, но народ грабил и жег церкви, где не могли подкрепить рассказы чудом. Тогда-то Фома Аквинский, сам в прошлом начинающий маг, обратился к своим прошлым собратьям по ремеслу с тайным посланием, в результате чего тысячи магов сделали вид, что приняли новую веру, стали во главе церквей и епархий, творили чудеса уже от имени нового бога, сами становились святыми, ибо именно их мощи после смерти оставались нетленными.

Сама по себе новая религия, нетерпимая к любому мнению, помимо всего, требовала искоренения любого язычества. Но учение Христа – одно, а сама церковь – другое. Даже если бы в ряды первосвященников и высших иерархов церкви не влились маги и колдуны, все равно ей пришлось бы считаться с могучим старым миром. А так, служа новому учению, маги потребовали, чтобы оставили в покое тех собратьев, что не приняли новое учение. Это книжники и чудаки, не принявшие жестокие реалии нового мира, пусть доживают свой век, они не угроза. А вот польза от них быть может...

Сейчас был как раз тот случай, когда стоило не просто поискать мелких чернокнижников, чем займется этот священник – для него это лишь проверка на крепость веры, – а патриарху пора обратиться к верховному магу.

Башня архимандрита Василия была высока, едва ли не выше всех остальных. Раньше принадлежала верховному магу, но магия объявлена нечестивой и богомерзкой, башню собирались вовсе снести при торжестве учения Христа, однако дальновидные отцы церкви спохватились вовремя... Кто-то догадывался, что дело нечистое, но мало кто знал, что отцами церкви стали как раз те из магов, что вовремя поняли силу нового бога, перешли на его сторону и потому успели захватить все ключевые места в новой огромной нарождающейся организации.

Новый бог отрицал начисто любые чудеса, что затрудняло внедрение в народ веры. Простому народу нужны доступные ему и зримые чудеса: он не мог понять, чем священник, рассказывающий со слезами умиления о мощи своего бога, сильнее простого деревенского колдуна, способного отогнать грозовую тучу от их села к соседскому, вылечить своих коров или наслать мор на приезжих?

Первые священники все же творили чудеса, тем самым укрепляя мощь Христа. Они были объявлены чудотворцами, хотя только узкий круг отцов церкви знал, что это были маги в церковных ризах. Постепенно церковь укреплялась, в магах надобность отпала, но все же полностью их не истребили, не вытеснили. Так, на всякий случай.

Патриархи уже магии не знали, но правая рука, архимандрит по дальним приходам, обычно покровительствовал изолированным общинам старых магов. А эту башню, выстроенную знаменитым магом древности Зокреном, потом верховным магом всего Востока, он занимал сам. Для кого-то это казалось блажью, но лишь самые близкие знали, что он и был верховным магом всего Востока.

Легкий ласковый ветер шевелил волосы, чувствовалось дыхание близкого моря. Верхняя площадка под открытым небом достаточно просторна, а вид отсюда открывался на весь Царь-

град. Справа виден Золотой залив с множеством кораблей, самых разных, а зачастую столь удивительных, что иной оглядывался пораженно: как на таком чудище плавают?

Он с жадностью вдохнул свежий чистый воздух. Чувствовалась влажная соленость моря, теплого и ласкового, даже словно бы донесся запах горных цветов... хотя горы далеко, а весь Царьград внизу пропах рыбой, нечистотами, пряностями, душистыми маслами, и только здесь воздух чист, как улыбка юной девушки.

За каменным парапетом далеко внизу простирался самый огромный и богатый город на белом свете, не зря прозванный Царьградом. Самый могущественный город, в котором живут самые могучие правители, самые могучие маги, самые талантливые полководцы и стратеги... Здесь все самое-самое.

Василий подставил лицо ветерку, грудь приподнялась, набирая как можно больше свежего воздуха с запахом моря. В синей дали покачиваются крохотные кораблики, толстые и узкие, под парусами косыми и прямыми, иные только с веслами в два-три ряда, странные и причудливые, прибывшие из неведомых земель... Все больше приходит с загадочного Севера. Совсем недавно там были только непроходимые болота, но за последние две-три тысячи лет – что они для империи? – болота подсохли, на их месте выросли дремучие леса, и там, в чаще, не видя солнца, возникли странные и чересчур могучие люди, столь же дикие, как и леса.

В груди потяжелело, даже яркий солнечный свет слегка померк. Те дикие люди слишком быстро создают в своих непроходимых лесах королевства. Крохотные, бедные, которых слепит блеск и богатство империи. И они шлют дружины и войска на завоевание империи. Да, гибнут без счета, но с каждым походом их мощь растет. А империя уже ничего к своей мощи прибавить не может...

Высоко в небе он заметил красноватую точку. В размерах быстро увеличивалась, не сдвигаясь с места. Василий понял, что двигается прямо на него. Когда точка разрослась до цветного пятна, он различил быстро летящий в его сторону ковер, а на ковре человека в цветном халате.

Ковер снизился над башней, на миг завис над полом, мягко опустился. Василий вскрикнул гневно:

– Терн, ты что делаешь?.. Тебя могли заметить!

Человек, которого он назвал Терном, живо вскочил с ковра, глаза смеялись.

– Царьградцы? Разве они варвары? Только варвары еще сохранили дар любоваться сказочными закатами, нежными восходами. Варвары знают сотни звезд, а взор царьградца устремлен только вперед, дабы не упустить выгоды... Приветствую тебя, властитель. Я к твоим услугам.

Василий раздраженно отмахнулся, потому что прямо из парапета неслышно выступил как тень молодой человек в серой одежде, безликий и неприметный. Лицо было коричневое, словно всю жизнь провел под жарким солнцем. Василий всмотрелся, но так и не сумел увидеть ни глаз, ни рта, хотя вроде бы человек как человек, никакого беспокойства, только всякий раз не мог вспомнить облика этого человека, его имени, даже его слов.

– Приветствую тебя, – сказал он коротко, избегая называть Василия по имени.

– И тебя, – кивнул Василий раздраженно, – приветствую... достойный...

А про себя добавил, чего достоин этот дурак, блюдуший свою кажущуюся независимость! Даже по имени не зовет, ибо имя архимандрита означает царственность. Ну как такое перенести! Дурак совсем не видит, что их не уничтожают лишь потому, что еще пользуются. Но с каждым годом все меньше...

Последние два мага поднялись снизу по ступенькам. Но хотя отдувались, словно бежали снизу без остановок и отдыха, Василий догадывался, что стража внизу вряд ли видела, чтобы кто-то входил в башню. А эти двое коснулись разве что третьей ступени, считая сверху. У магов, которых созвал, все еще побольше мощи, чем нужно, чтобы заставить плакать кровавыми слезами икону Богородицы или сделать нетленными мощи умершего митрополита.

– Приветствую неразлучных Опинкла и Опанкла, – сказал он с натужной веселостью. – Вы все еще верите предсказанию, что умрете, если разлучитесь?

– Мы еще живы, – ответил уклончиво один из магов, Василий не был уверен, Опанкл или Опинкл, чересчур похожи. – Ты хотел нас видеть?

– Располагайтесь. – Он сделал широкий жест рукой. – Где хотите, для вас не сложно создать себе условия по вкусу...

Оба мага, даже не переглянувшись, скромненько сели на узкой лавке для троих. Они еще застали те времена, когда маги являлись в блеске молний и грохоте ломаемых скал, великие и ужасные, окруженные ореолом, но уцелели как раз потому, что сумели приспособиться к переменам.

– Дорогие друзья, – сказал Василий мягким голосом, но чтобы слышали, что под мягкой тканью скрывается железный кулак, – хочется вам этого или нет, но за убежище приходится платить. Вы получили кров и стол, а услуг, как было раньше, от вас не требуется. Занимайся себе тайнами магии, совершенствуйся в разгадке древних рукописей, пытайся продвинуться в прочтении скрытого смысла Книги Первых Магов... Однако иногда, совсем редко, святая церковь в своей милости позволяет оказывать ей услуги...

Маг поклонился:

– Которые мы, конечно же, спешим предоставить.

Василий улыбнулся краешком губ. От него не ускользнула ирония, но негоже топтать ногами поверженного, а магов его церковь повергла столетия тому.

– Вот и ладно. Вам поручается сделать то, что святая церковь просто не берется сделать из-за... гм... излишней щепетильности.

Кто-то не сдержался, громко хмыкнул. Мол, знаем эту щепетильность. Все веры как-то уживались, только вера Христа неумолимо заявила, что только она хороша, а все остальные – мерзость, подлежат уничтожению. И уничтожает так, что в первые века кровью были забрызганы стены выше головы, сожжены все библиотеки, университеты, а философов, поэтов, математиков, вообще ученых истребляли так яро, что все земли под властью Христа погрузились во тьму и там не осталось ни единого грамотного...

Василий метнул на него недовольный взор:

– Базилевс не совсем понимает, какая угроза исходит с Севера... Он занят войной с арабами! Но с арабами мы воюем уже столетия, почти каждый год там война, а на Севере вроде бы и войн еще нет... так, отдельные набеги... но эти набеги все стремительнее, все страшнее. Русландия – кроха по сравнению с империей, но эта кроха растет и мужает не по дням, а по часам.

Второй маг кашлянул:

– Мы не базилевсы, знаем все же несколько больше, да не обидит тебя...

– Не обидит, – кивнул Василий. – Пока мы понимаем друг друга.

– Что там сейчас?

Карта упорно стремилась свернуться в рулон, Василий шелохнул бровью, и карта легла послушно, застыла как приклеенная. По лицам магов заметил удовлетворенно, что присутствие магии уловили.

– Вот примерно границы Русландии. Подлинные границы не знают даже в Киеве, ибо кордоны стремительно раздвигаются. Но для нас важнее, что в самой Руси уже наметился раскол... Во-первых, не сломлен Искоростень, столица удельного княжества древлян. Еще бабка нынешнего князя сожгла его дотла, но древляне отстроили заново, укрепили. Сейчас платят дань, но дерзят, ждут случая, чтобы ударить в спину. Второе, что в самом Киеве у князя хватает врагов. Самые злейшие – его три жены, которых он взял силой. Одну лишил невинности

и чести прямо на трупах убитых им ее братьев и отца, а двух взял у братьев... При одной из них, княгине Юлии, которую он взял у убитого им брата Ярополка, есть наш человек...

– Кто?

– Священник Иван. Умен, хитер, мудр, к тому же знает немного наше искусство. А если учесть, что успел до принятия сана священника побывать в ассасинах, воевал с арабами... словом, он может сделать многое.

Он видел, что слушают его с озадаченным видом. Один решился прервать молчание, с недоумением развел руками:

– Не понимаю...

– Что именно?

– Почему церковь, тем более мы – маги... Это дело рук властей. Если Русландия... никогда о такой не слышал!.. настолько опасна, то надо туда послать войско! Ведь у нас самые могучие в мире войска!.. Или я что-то не так понимаю?

Василий спросил остро:

– Ты боишься?

– Нет, но...

– Тогда отказываешься?

– Я не отказываюсь, – ответил маг с той же твердостью в голосе, он не отвел взгляда, – я хочу знать, почему нельзя поручить обычным воинам. Если не могут воины, то это не значит, на русов нельзя просто обрушить дождь из стрел... Я мог бы подогнать такую тучку, но, как я говорил, проще послать обычное войско.

Василий признался нехотя:

– Власть просто еще не зрит смертельной угрозы со стороны Русландии. Арабы ближе, они кажутся опаснее. А церковь не желает огласки. Слухи могут поползти очень тревожные. Отдельные отряды уже посылали... сейчас там белеют их кости. Да не на Руси, туда не дошли вовсе... А большое войско послать – это объявить войну. Мы же с Русландией в мире, базилевс этот мир не нарушит.

Один из магов вспомнил озадаченно:

– К тому же, как я помню...

– Ну-ну?

– Как помню, Русландия постоянно присылает нам войска на помощь! Когда нужно подавить мятежи, отбросить врага от границ... Странно.

Маги переглядывались, но самый старый из них, чьи предсказания всегда сбывались, сказал медленно:

– А не оберегают ли империю от других, потому что присмотрели для себя?

ГЛАВА 7

К обеду над Киевом внезапно нагнало тучи. От земли до неба встала серая блистающая стена воды. Еще не приблизилась к воротам, а в небе уже показался дальний край черной тучи. Когда ливень обрушился во двор, из-за тучи выглянуло умытое солнце, капли дождя засверкали как жемчужины, разбивались на множество мелких брызг, почти пыль.

Гридни и бабы не прятались, хохотали и перебегали под дождем, выталкивали друг друга под толстые, как веревки, струи. Затем стена ливня стремительно отодвинулась, пошла через терема и дворы к Боричевскому взвозу, вслед глядели с сожалением: едва-едва пыль прибило!

За воротами нарастал гомон. Во двор ввалилась толпа, во главе шагал дородный разгневанный купец с длинной бородицей, но еще молодой, налитый силой и наглой уверенностью. За ним поспешали еще двое, явно помощники, следом торопились трое стражей, несколько зевак.

Владимир спросил громко:

– Стряслось что? Молви как есть, суд князя скорый, но праведный.

Купец встал внизу у крыльца надменно, расставив ноги и вызывающе выставив черную как смоль бороду. Чем-то походил на богатого хазарина, вон даже пейсы на ушах висят, только хазары никогда в дремучие леса не ступали, а этот явно из леса, повадки медвежьи, голос зычен, за версту несет смолой и живицей, ими древляне пропитываются с колыбели.

– Обиды чинят твои люди, – сказал купец с ходу, умышленно забыв Владимира назвать князем. – Мои товары отобрали при въезде!

Владимир, нахмурившись, вперил грозный взор в стража, признав в нем городского воротника:

– Так ли?

Тот с готовностью подтвердил, рот до ушей, в глазах злорадство:

– Точно! Но заплатили всё, сколько было запрошено!

Купец взвизгнул:

– Запрошено? Я не запрашивал! Эти мерзавцы всего лишь спросили, сколько стоит мой товар...

Он орал, брызгал слюной, но Владимир не слушал дальше, уже зная, как было. При въезде через городские ворота стража интересуется, во сколько приезжие купцы оценивают свой товар, дабы взять десятину. Иные хитрецы занижают стоимость своего товара, тогда стражи по княжескому наказу тут же вручают эти деньги, а товар забирают. Мол, на хитрую дупу есть хвост с винтом.

– Еще люди были? – спросил Владимир у воротника. – Зрели? Вот и хорошо. Другим неповадно будет. Да и скажут, что все по закону.

Купец орал и брызгал слюнями, его утащили под руки. Владимир, морщась, слушал гневные крики, что Киев больно много власти взял, Искоростень еще себя покажет, на людях ездить нельзя...

Владимир хмуро смотрел вслед. Древляне на диво окрепли. Дань платят исправно, но не забыли страшного разгрома, не забыли крови. Дети рождаются со словами не-нависти к Киеву. В дремучих лесах, за непроходимыми –завалами собирается, по смутным слухам, их дружина. Конечно, с могучим киевским войском не тягаться, но у Киева и без того немало врагов. Схватится Киев с кем-то, можно и в спину ударить...

...Священник Иван вышагивал через двор мощно, уверенно, бросал по сторонам грозные взоры. Черная ряса, положенная по вере, поблескивала редким шитьем серебряными нитями, на груди тяжело колыхался золотой крест неимоверной величины. На цепи, что поддерживала

крест, можно бы держать племенных быков. В руке длинный посох из слоновой кости, навершие из золота, а сам посох затейливо украшен тонкой резьбой, поблескивают разноцветные камешки, коим нет цены.

Владимир наблюдал с крыльца насмешливо и враждебно. Ромею только одного не удастся достичь, чтобы простодушные славяне провожали его с открытым ртом: дебелости. У славян слово «худой» означает как тощего, так и больного, а если про кого с одобрением говорят, что поправился, то это и выздоровел и потолстел... Иван же хоть и не худ, напротив – высок и крепок телом, но дурное мясо все никак не нарастает на сухое, жилистое тело.

Поросята с визгом шарахнулись от корыта, а у коновязи тревожно заржали и попробовали оборвать повод кони. Через двор наперерез попу шел тяжелый, как три медведя, Белоян. Священник ускорил шаг. За воротами его ждала крытая повозка. Толстый, как копна, гридень молча отворил перед ним дверцу, вскарабкался на облучок, и повозка укатила.

Легкий запах зверя донесся до крыльца раньше, чем подошел Белоян. Владимир невольно подумал, что волхв стал зверем, чтобы стать еще больше человеком, но... не возьмет ли звериная природа верх?

– Опять с какой-то гадостью? – спросил он.

Белоян ревниво кивнул вслед укатившей бричке:

– К боярам... То крестины, то отходная.

– Пусть всяк молится тому, – ответил Владимир неприязненно, – кому хочет. На справедливости любая держава стоит.

– Так-то оно так... Но христиан все больше. Народ прост, боярин или смерд: их надо ошеломить, ошарашить. Хоть чудом, хоть золотым крестом в пуд весом. А чтоб народ простой зрел величие и богатство христианской церкви, надо все цеплять на себя... Я тоже видел их церкви! Идет такой поп в золотой рясе, морда – во, пузо – во, сразу видно, что сытно живет. Ряса шита золотом, бычьей шеею гнет золотой крест еще поболее, чем у этого, кадило... или что там у них, тоже из чистого золота, на голове золотая шапка, хитро писанная златым шитьем, даже с камнями в конский каштан размером...

– Это не поп, – возразил Владимир, морщась, – митрополит или патриарх...

– Все одно. Народ зрит богатство, ахает, падает на колени. Встречают по одежке! А недостаток ума можно прикрыть велеречием, рассуждениями. Их же учат, как уходить от правды. Вот и переманивают дурней... А так как любой народ состоит из дурней, умных везде мало, то...

Владимир раздраженно отмахнулся:

– Ладно тебе. Не пройти здесь чужой вере. Лучше погляди, как там в Царьграде?

Белоян поколебался:

– Силы у меня уже не те... Больно выложился, когда чашу добывал. Накоплю малость, тогда. А пока о самой чаше. Я ж ее принес вовсе не затем, чтобы богатырей твоих мордой по столу... Хотя стоило бы. А затем, чтоб ты сам увидел, на кого можно положиться, а кто не человек, а так... похвальба в сафьяновых сапогах. Одни старые богатыри чего-то стоят, но тяжелы на подъем, на подвиги уже не тянет. Молодежь растет быстро, но ее уносит на дальние заставы во чисто поле, славы и добычи искать...

Владимир нахмурился, потеревил чуб. Золотая серьга тускло поблескивала, а крохотные искорки от рубина хищно простреливали полутьму, перемигиваясь со звездами, такими же острыми и колючими...

– Чашу пробовали только в Золотой палате. Но еще больше богатырей в Серебряной! А во дворе вовсе не счесть, пусть не таких знатных.

Волхв огляделся по сторонам, поманил его пальцем под укрытие бревенчатой стены. Владимир подошел, спросил с издевкой:

– Уж не стрелы ли печенежской страшишься?

– Дурень ты, – ответил волхв. – Печенеги – друзья, к тому же надежные. А вот твои бояре, терема на той стороне... Я тут прикрылся от их ушей, видишь?

Он повел дланью, Владимир вздрогнул. Над ними стал видим, трепеща крыльями, полупрозрачный нетопырь. Крохотные, как бусинки, глаза горели красным. Огромные уши шевелились.

Владимир сказал торопливо:

– Убей!

– Надо ли? – ответил волхв с неудовольствием. – Все равно не слышит...

– Убей!!!

Волхв щелкнул пальцами, из ладони вырвался короткий слепящий свет в облике копья. Нетопырь пискнул и рассыпался коричневой пылью. Запахло паленой шерстью... Владимир выдохнул с облегчением. Волхв сказал с непонятым выражением:

– Странный ты... Целое войско чужих лазутчиков да разведчиков терпишь в Киеве... да что Киев – в детинце! – а тут трясешься как осиновый лист.

– Тех я вижу насквозь, – буркнул Владимир. – И вообще не люблю летучих мышей!

– А этих вижу я. Ну ладно, слушай, пока нового слухача не подослали... На твоих богатырей надежды мало. Они пьянствуют да бахвалятся подвигами. Что им древляне? Война опасная, а славы мало. То ли дело завалить Змея, отыскать избушку Бабы Яги да сжечь, погнаться за Кошеем... О таких песни складывают!

Владимир нахмурился:

– Что-то многовато этой нечисти. Не думаешь ли, что кто-то насылает?

– Кто?

– Ну, какие-то колдуны или маги. Сеют порчу, заговорами создают это... гадкое. Прямо из земли рождают, а то и прямо из заговоров. Тебе виднее, что спрашиваешь?

Волхв подумал, покачал головой:

– Ты из Царьграда вернулся подозрительный, как грек. Это там сеют порчу, гадят друг другу. Мы в необжитых землях! Тут чудовища жили с начала времен. Это мы пришли на их земли.

Владимир поник, челюсти сжал, глаза невидяще уставились в одну точку.

– То-то мне старый Асмунд сказывал, что королевство создать трудно, но удержать еще труднее. Но дать ему жизнь надолго – это уже почти чудо... Недаром я в странствиях всюду видел развалины таких древних царств, что дух захватывало. А чуб от страха поднимал шлем... А у нас соседи, что только и глядят, как бы ухватить за горло, чудовища лесные и болотные, а тут еще свои же богатыри шумят... Все золото отдал! А что делать? Моя сила – в них. Но нельзя дать и на голову сесть...

Волхв сказал осторожно:

– А поступи так. Как ты сделал с варягами, что помогли тебе захватить власть?..

Владимир развел руками:

– Те вовсе пытались захватить город! И власть мою не признавали... Но ты прав, тут надо тоже сделать прополку. Самых горластых отправить бы на свершение подвигов... Вернутся – хорошо, моя слава упрочится, не вернутся – больше спокойствия. Где, говоришь, чудовища лютуют?

Волхв вытащил из-за пазухи дощечки. Владимир не понимал письмена, нанесенные чертами и резами, да еще подвешенные к линии, а не посаженные на нее, но волхв заговорил, даже не глядя на записи:

– В Муромских лесах засел лютый Соловей-разбойник. Те дороги перекрыты для наших купцов. Приходится объезжать, а это платить тамошним князьям за топтание ихней земли. В днепровской круче поселился крупный Змей. Мало того что крылатый, еще и огнем пышет! Повадился скот таскать, а сейчас уже людей похищает...

Владимир бросил мрачно:

– Человечье мясо самое сладкое. Кто попробует, того на него всегда тянет.

Волхв бросил на него предостерегающий взор:

– Я не воин, вкуса крови людской не ведаю. Или ты на что-то еще намекаешь?

– Да что ты, – отшатнулся Владимир, – ты у нас только по меду знаток, а мяса вовсе не ешь... Чтoб бабы, говоришь, не снились?.. Думаю, что скот начали беречь, вот оголодавший Змей хватает то, что изловит. С голоду и кур красть будет. Хорошо бы туда отряд... а еще лучше, того же Сиявуша-крикуна. Он силен, может и в самом деле побить зеленого... Что еще?

– Среди днепровских порогов лютуют дивные звери. Мало кто их видел, ибо с берега не разглядишь, а кто видел вблизи, уже не расскажет. Зовут их рухами, живут прямо в ямах на дне, что вырыли им страшные водовороты. Ну... еще из-за дождей, что в прошлом году едва всю Русь не утопили, болота разошлись, на лес наступают... Болотникам да упырям несть числа. Уже на берег лезут, по лесу шастают. Кого ни попадя хватают. Мужики боятся за дровами ездить, бабы перестали за ягодами ходить.

– Это нам пока не по силам. Ни днепровские рухи, ни болотники. Туда надо целое войско... Даже войско не поможет. Леса корчевать – другое дело. Тогда и болота подсохнут. А пропадут болота – и болотникам конец. А что слышно с пустошью за Черным лесом?

Волхв разложил перед собой дощечки:

– Вот тут я изобразил... Избушку заметили охотники, но подходить не стали. Сразу же назад, войту сообщили, а он прислал мальчишку к нам. Что верно, то верно, раньше там Бабы Яги не было. Но кто знает, откуда пришла? Может быть, переселилась всего на десяток-другой верст ближе к югу, тут ее и заметили... Туда можно послать одного богатыря. Подумай, реши.

Владимир слушал невнимательно. Белоян перехватил отсутствующий взор князя, тоскующий и одновременно злой:

– Ладно, ты вроде бы здесь, а душа твоя там... Все еще не передумал?

Владимир скосил на него хищный, как у орла, глаз:

– Ты о чем?

– О щите.

Владимир буркнул:

– Я уже и кое-что сделал.

– Зря, – сказал Белоян сожалеюще. – Дров наломаешь. Для того чтобы с царьградскими магами тягаться, надо голову иметь побольше, чем твоя.

– Ведмедячью, что ли?

– Да хотя бы и медвежью. Я ж меч не таскаю с собой, у меня голова свободная.

– Да и я не в зубах меч ношу, – буркнул Владимир. – Что надумал?

– Пойдем, по дороге расскажу. У тебя где самый надежный подвал?

– На заднем дворе подле оружейной. Там сейчас как раз держат Залешанина. Того самого, что из-под стоячего подошвы выпорет, а лежащего разденет так, что тот не заметит... Так говорят. Но и такие попадаютсЯ!

Белоян кивнул довольно. В маленьких медвежьих глазках блеснуло злое удовлетворение.

– Он нам и нужен.

ГЛАВА 8

Возле сруба на колоде сидели трое. Все с топорами, один даже в железном шлеме. Двое с бронзовыми обручами на лбу, что прихватывали волосы. Самый старый, вислоусый воин с серебряным чубом на бритой голове, первым встал, завидя князя, сдержанно наклонил голову.

Двое других, узкоглазый и широкоскулый молодой печенег или берендей, а также простоватый парняга с пшеничными волосами и с синими, как васильки, глазами, подхватились, когда князь наступил на их тени.

– Как зовут? – поинтересовался Владимир.

– Макгаген, Чейман и Корняга, – ответил старший, похожий на викинга. – Корняга – это я.

– Вы что, братья? – удивился Владимир.

– Нет, но все в сапогах, – ответил старший гордо.

Двое сопели и бодро выпячивали груди. Владимир засмотрелся на печенегу, не только в доспехах русов, но и одежда чисто славянская, шлем кован явно кузнецами Киева, даже сапоги не печенежские, с мягкой подошвой, а с каблуком и железной опояской.

– Чейман, Чейман... Не сын ли доблестного хана Кучуга, известного как отвагой, так и мудростью?

Узкоглазый воин подпрыгнул от счастья, что его заметил великий князь. Глаза заблестели, он срывающимся голосом выпалил:

– Сын! Отец велел служить тебе верно и преданно, говорить только по-русски, носить одежду русов... и чтобы...

Владимир кивнул, он уже слышал от Кучуга его заветное: успеть повозиться с внуками, что будут неотличимы от русов, чтобы за свой народ быть спокойным.

– Отвага заметнее, чем мудрость, но твой отец наделен и тем и другим. Кого стережете? Чейман повернул голову к Корняге, и старшой ответил сильным звучным голосом:

– Свирепого татя и разбойника, неуловимого Залешанина!

Владимир оглянулся на Белояна:

– Видишь, что у меня за воины? Втроем одного стерегут! А тот, поди, не только за семью засовами, но и к стене прикован. А то и вовсе связан по рукам-ногам...

Белоян поморщился, а старшой сказал с обидой:

– Обижаешь, княже! Это же сам Залешанин!.. Ну, тот самый... Его и в туе не влупишь, и в ложке не поймаешь. Попался как-то по дурости или пьянке, теперь не упустить бы. Непростой человек! Говорят, глаза отводить умеет, черной кошкой перекидывается.

Владимир снова покосился на Белояна. Тот скривился сильнее:

– Враки. Придумывают, чтобы свою дурость оправдать. Просто смышлен, вот и все. Один пойдешь?

– Ждите здесь, – велел Владимир.

Перед ним услужливо отодвинули засовы, дверь заскрипела истошно, он рассердился, утром весь Киев будет знать, что великий князь навещал в срубе пойманного вора.

Факел трещал, роняя искры. Владимир ругнулся, горящая капля смолы упала на руку. Снизу послышался смешок.

– Хохочи, коли зубы хороши, – сказал Владимир громко, – скоро выбьют!

Ступеньки мокрые и скользкие, словно стадо улиток проползло, сапоги соскальзывали. Наконец трепещущий свет вырвал из тьмы прикованного к стене молодого парня, что сидел там же под стеной, обхватив колени... Морщился, прикрыл глаза, ему и так свет ярок, а Владимир придиричиво рассматривал вора.

Золотые, как спелая пшеница, волосы падают на широченные плечи, все еще совсем не по-смердячему гордо вздернутые. На лбу кожаный ремешок, как у кузнеца, а когда поднял голову, Владимир засмотрелся на такие синие чистые глаза, словно в них отражалось целое поле незабудок.

Сразу видно, что высок ростом, хоть и сидит, на такой груди можно мечи ковать как на наковальне. Цепи на руках самые толстые, но Владимиру показалось, глядя на его руки, что, поднатужься вор, сумел бы либо порвать, либо штыри выдернул из стен. Но хоть и рождаются в селах да весях богатыри, но без ухватки, без воинского умения так и быть им лишь могучим скотом, что деревья рвет с корнями да камни убирает с полей.

– Ну что скажешь, вор? – спросил он зло. – Тот самый Залешанин, который похвалялся мою горницу обворовать так, чтобы даже мышь там удавилась с тоски?

Вор сделал движение плечом, железо загремело. Прищурившись, разглядывал великого князя. Под глазом расплылся громадный кровоподтек, скула в засохшей крови, но лицо дерзкое, в глазах насмешка.

– Садись, княже, – пригласил он. – На чем стоишь. Да, я и есть Залешанин. Хочешь, я попрошу и железо на тебя надеть, а то тебе надоело зенки заливать заморским вином да брюхо набивать...

– Хохочи, коли зубы хороши, – повторил Владимир зло. – Но только недолго тебе блистать белыми зубами!

– Топор уже наточили?

– Топор? – удивился Владимир. – Для тебя кол затесывают. За обольщение дочери боярской, кражу и поджог тебе выпала смерть лютая! Дабы другие устрашились.

Залешанин побледнел малость, но силился улыбнуться:

– Если бы устрашились, никто бы не воровал... А так и давите нас, и вешайте. И между деревьями распахивайте, а все нашему роду нет переводу.

– Перевести не переведу, – сказал Владимир, – но поубавлю... Только я один волен грабить! Когда грабит один, то не режет добычу, аки волк лютый, а стрижет, дает жирком да шерстью обрасти, потом опять стрижет... Потому хоть я и грабитель, но народ за меня держится.

Залешанин отмахнулся с небрежностью, словно сидел на троне и принимал поклонны дурака князя:

– Народ мое имя славит. Богатых никто не любит, а свою бедность всяк объясняет либо совестью, либо ленью...

– А что хорошо в лени? – спросил Владимир невольно.

Залешанин покровительственно улыбнулся:

– Когда кто-то признается, что ленив, тем самым говорит, что, ежели бы не его лень, он бы горы свернул, всех Змеев побил, принцесс освободил, всем бы сопли утер, для бедных и сирых горы золота добыл и каждому бы по мешку отсыпал...

Владимир нетерпеливо отмахнулся:

– Ладно, я не за этим пришел. Договориться хочу.

– Договориться? – удивился парень. Владимир видел, как в запавших глазах вспыхнула надежда, но голос все еще держал насмешливым. – Неужто поменяться со мной решил?

– Поменялся бы, да не разорваться мне... Я бы тебя лучше повесил, но мне нужен человек, который съездил бы по одному важному делу. Очень важному! А волхв указал на тебя.

Парень смотрел во все глаза. Насмешливое выражение медленно уступало недоумевающему.

– Я? Но я ж сбегу по дороге!

– А если слово дашь?

– Слово?... Гм... А с чего я стану его держать?

Владимир развел руками:

– В самом деле, с чего... Но волхв говорит, что ты всегда держал.

– Всегда, – проворчал парень. – То по мелочи... А когда на кону жизнь... А что за поручение?

Владимир покачал головой:

– Нет, сперва скажи, согласен или нет. Я не хочу, чтобы кто-то еще знал. Только я и ты. Если дознается кто-то третий, о том дознается белый свет... Хотя что это я? Совсем одурел от вина. Ты ведь отсюда просто не выйдешь, вор. Сперва вырвут язык, а на кол потащат уже потом...

Парень тряхнул головой:

– Княже! Понятно же, что согласен. Только свистни. Что нужно своровать, только кивни. Ты ж своровать меня хочешь снарядить, не на Змея ж с булавой, который девок ворует?

– Куда тебе супротив Змея, – бросил Владимир с отвращением. – Конечно, на воровство подлое... Никто из витязей рук марать не захочет. Но чтобы ты сразу не дал деру, я для тебя буду держать пряник...

– Ты ж сказал, что довольно слова!

– Да так, на всякий случай.

Владимир видел, что вор ни на миг не заколебался, выполнять ли волю великого князя. Сразу же за воротами – в темный лес, а там снова кистенем по головам честному люду, потрошить их кошель.

– Ежели все исполнишь, то получишь прощение... – Он видел по лицу разбойника, что тому княжеское прощение до одного места, добавил: – И еще... боярская дочь, у окна которой тебя изловили, станет твоей женой. Сам сватом буду.

На этот раз глаза разбойника вспыхнули, на скулах выступили пятна... Владимир не подал виду, повторил равнодушно, как о деле решенном:

– Я сам твоим сватом буду.

– Врешь, княже.

– Слово, – сказал Владимир. – А я своим словом тоже не бросаюсь.

Разбойник поднялся, гремя цепями. Владимир невольно отступил, вор на полголовы выше, могуч, чувствуется сила непомерная. Как только и взяли такого, не иначе как опоили или зелья подсыпали. А то и бабка морок навела.

– Говори, что я должен сделать?

Владимир отмахнулся, пошел к двери:

– Сперва цепи снимут. Поговорим в моей палате.

Когда его привели, Владимир нахмурился против воли, а кулаки сами сжались до скрипа кожи на костяшках. Разбойник вошел в его палату, словно делал сопливному князьку великое одолжение. Глаза дерзкие, словно это его хоромы, а весь остальной люд вместе с князьком лишь челядь неумытая.

– Садись, – буркнул Владимир, он указал на накрытый стол: – Ешь, пей. Сперва еда, разговор после.

Стражи остались было по эту сторону двери, мол, с таким бугаем в случае чего князю не совладать, но Владимир нетерпеливым движением бровей вымел в коридор. Разбойник силен, кто спорит, но бойцовских ухваток не знает, а он, Владимир, троих таких бычков завалит, буде надобность сыщется.

Разбойник уверенно перенес ноги через лавку, глаза оценивающе пробежали по столу. Ноздри подергивались, спросил неожиданно:

– Вино фалернское?

– Греческое, – ответил Владимир сухо. – А фалернское или хиосское... А ты и вина чужие крал?

– Крал не крал, но пробовал, – ответил разбойник с напускной скромностью.

Его пальцы уже разрывали жареного гуся, коричневая корочка хрустела, из-под нее вырывался пар, пальцы обжигало горячее мясо, истекающее соком. Владимир, что решил было не есть, сглотнул слюну, сердито оторвал гусиную ногу.

В молчании ели, запивали, кубки были полны, а в дальнем конце стола ждали еще три кувшина с вином из Царьграда. Разбойник ел неспешно, хотя за время в срубе исхудал, кожа на скулах натянулась, ключицы торчат, хотя видно, какие толстые, что бычьи кости...

Когда голодный огонек в глазах разбойника потух, Владимир сказал, едва сдерживаясь:

– Жрешь, как красная девица! Двумя пальчиками, волокна отщипываешь... Разве воины так едят?

– А я не твой дружинник, – ответил разбойник хладнокровно. – Говори, чего тебе своровать? А то пошли тех, кто ест как надо.

В голову Владимира ударила горячая тяжелая волна. Едва удержался, чтобы не въехать кулаком в нагло ухмыляющуюся рожу мерзавца.

– Ладно, – выдохнул он сквозь зубы. – Мое слово крепкое... Вернешься со щитом – получишь прощение, удел, дочь боярина Твердожита.

– А если на щите? – ухмыльнулся разбойник.

– Ты мне знанием древних умностей не щеголай, – предостерег Владимир. – Про щит я не для красоты речи. Мне нужен настоящий щит! Тот самый, который Вещий Олег прибил на врата Царьграда.

Кубок едва не выпал из рук разбойника. Глаза не оставляли лицо князя, а когда убедился, что князь не шутит, спросил недоумевающе:

– И что же... тот щит там все еще... висит?

– Висит.

– А... зачем?

– Не для красоты же, – отмахнулся Владимир. – Ты смерд, а не воин, куда тебе знать... Когда заключаешь мирный договор, то по обычаю прибываешь свой щит на врата града, с которым воевал. Как бы берешь и его под защиту. Князь Олег получил от Царьграда богатый выкуп, греки обязались платить нам дань... и по сей день платят, а мы за это помогаем Царьграду войском. За отдельную плату, конечно... Мой дед пытался поднарушить уговор, ходил с дружиной, чтобы греки увеличили выплату, но то ли в самом деле ихние маги наслали страшную бурю, что перетопила ладьи Игоря, то ли что-то еще... Греки верят, что этот щит Олега хранит их город. Даже если это не так, все равно щит надо снять и увезти. В Царьграде сразу падут духом.

Разбойник молчал, челюсти его двигались все медленнее. Пальцы блестели от жира, но забыл облизываться и вытирать о скатерть. В палате повисло тяжелое молчание. Когда он поднял глаза, Владимир понял, что разбойник мог заподозрить, что за похищением щита стоит нечто большее, чем попытка увеличить дань с Царьграда.

– Щит, – сказал разбойник медленно, он полузакрыв глаза. – Щит на городских вратах... А те наверняка повыше, чем Ляшские или Жидовские... И охрана там не спит, как твои вои, что в соплях путаются, левую руку от правой ноги не отличают. Но все же мне только веревку покрепче да ночку безлунную – и щит у меня! Если только не пропью по дороге, не обменяю на глиняную свистульку...

Владимир сказал напряженно:

– Щит привези. Он в самом деле даст победу. Стоит показать нашей дружине, сразу во львов обратятся!

Разбойник прищурился:

– Похоже, княже, ты сам не больно-то веришь в силу щита?

– Верю или не верю, – сказал Владимир зло, – а князь должен извлекать выгоду из любой вещи. Если перевезти щит от греков к нам, то их это ослабит, а нас усилит. Неважно, волшебный или нет. Ясно?

– Ясно...

– А в чем твой страх?

– Страх тоже пока нет. Но ежели греки верят в силу щита, то охраняют, видать, как зеницу ока?

Владимир отмахнулся:

– Если и охраняли первые годы, то сейчас забыли, зачем вообще охрана. Сколько лет минуло! Мой дед еще под стол ходил...

– Под столом?

Владимир брезгливо отмахнулся:

– И под стол тоже. Я бы послал своих богатырей, но слишком уж на силушку уповают. Не разумеют, что Царьград – это не местные села. Туда съехались богатыри со всего света, нашим дурням сразу рога обломают! А мне не подвиги их дурные нужны. Мне щит нужен!

Не сдержавшись, с грохотом опустил на стол кулак. Залешанин осторожно отнял кубок от губ. Кулак князя с детскую голову, но весь увитый толстыми жилами, сухой, мяса на нем не больше, чем на умершем с голода таракане. И вся рука перевита выпуклыми мышцами, сухожилиями, рука воина, привыкшая к тяжелому мечу. А дальше могучее предплечье, круглое, как валун, плечо, широкая грудь, шея как ствол молодого дуба, суровое лицо с пронизывающими глазами.

Глядя в эти глаза, Залешанин внезапно понял, что сам Владимир с легкостью добыл бы щит, не погнушавшись, как мартовский кот, ночью залезть на городские ворота Царьграда, переоделся бы и старухой, и нищим, чего не стали бы делать гордые богатыри из его дружины...

– Я сделаю, – сказал он торопливо. И опустил глаза, ибо увидел в князе нечто близкое, а это опасно, всяк властелин держит себя сурово и загадочно, не позволит, чтобы узрели в нем такого же человека. – Вели дать коня и злата, если торопишься... Если нет, то сам добуду и коня, и все, что понадобится.

Владимир буркнул:

– Ты получишь все. Но... за городом. Там в роще тебя будет ждать конь. Хороший конь, не крестьянская лошадка. Под седлом переметная сума, твою палицу приторчат тоже... Ты в самом деле ее поднимаешь аль только бахвалишься? В седле зашито золото, горсть камней. А отсюда сбежишь, понял? Никто не должен знать, что я послал тебя в Царьград. Понял?

– Понял, – сказал Залешанин осторожно, хотя мысли в голове метались, сшибая одна другую с ног. – Я понял, что ничего не понял...

– Опять греки, – рыкнул Владимир. – Ты не в волхвы нацелился?

– Да нет, – ответил Залешанин в замешательстве, – я даже не знал, что это уже кто-то сказал до меня... и что это великая мудрость. Я таких мудростей могу... Похоже, жизнь твоя совсем собачья, если даже своим не доверяешь. На хрена б мне такое князевание?.. Я вот всем верю...

– Вот и сидишь в цепях, – отрезал Владимир, – а я – на троне. Что еще неясно?

– А как сбегу из подвала?..

– Стража перепьется, – отмахнулся Владимир. – Ты сумеешь выдернуть цепи... я помогу, хотя ты и сам здоровый, как сарай. Ночью проберешься до кузницы. Я знаю, кузнец с вашей ватагой связан. Да знаю, знаю! Собьет цепи. Главное, чтобы все выглядело, что ты сбежал сам. Если узнают, что послан мною, за твою шкуру и сушеного клопа не дадут!

От князя несло холодом, как от глыбы льда. Заходящее солнце заливало горницу красноватым светом, узкое худое лицо было как из гранита, под надбровными дугами было темно,

бритый череп недобро блестел, словно залитый кровью, даже черный чуб казался змеей, что искупалась в крови...

– Я все запомнил, – сказал Залешанин. – Когда?

– Сегодня ночью, – отрубил Владимир. – Времени в обрез.

Он взял в руки колотушку, намереваясь ударить в медный щит. Залешанин старательно вытер жирные пальцы о белоснежную скатерть, поднялся, небрежно повалив скамью. Та упала с грохотом, за дверью послышались торопливые шаги, но дверь осталась закрытой.

– А все-таки, – спросил он, – почему ты уверен, что не пошлю тебя... ну, куда тебя всяк посылает, даже если и улыбается в глаза, и не уйду пропивать твои деньги?

Владимир оглянулся, черный клочок волос на бритой голове сполз набок, Залешанину почудилось, что там змея начала раскачиваться, готовясь к прыжку...

– Не сбежишь, – сообщил Владимир угрюмо. – Уже и без волхва видно.

– Почему?

– Больно гордый, – сообщил Владимир.

Он ударил в медный круг. Звон ударил по ушам, дверь тотчас распахнулась. Трое стражей ворвались с мечами наголо, застыли на пороге, пожирая Залешанина злыми глазами. Князь небрежно сделал движение пальцами, словно смел со стола мусор:

– Отвести обратно и стеречь неусыпно!

ГЛАВА 9

На городской стене холодно и зябко. Небо черное, звезд не видно за тучами, только на востоке уже сереет рассвет, но на земле мгла. Ветер продувал до костей, несмотря на теплый месяц травень. Белоян ежился, зябко кутался в длинное одеяние из грубого полотна. Когда на востоке начала разгораться алая заря, снизу послышался легкий шорох.

Сперва донесся запах разогретого тела, князь возник рядом почти неслышно, от него несло жаром, словно только что выбежал из бани. Суровое лицо в рассвете казалось почти нечеловеческим.

– Ну что? – шепнул Белоян.

– Получилось. Я видел, как он выскользнул... Сейчас, должно быть, сбивает цепи. Подождем.

– Только бы не попался, – шепнул Белоян с надеждой.

– Второй раз не попадется. Да и первый... что-то странное, что оказался в наших руках так просто...

Алый свет поднимался по небу, нежный и стыдливый, но исчезали тучи, превращаясь в розовые облака, кудрявые и быстро тающие, небо светлело, наливалось темной синевой, а земля наконец смутно выступила из мглы. Вдали заискрилось, словно небесный кузнец выхватил клещами из горна раскаленный брус железа – ярко-оранжевый, рассыпающий искры.

Белоян невольно засмотрелся, не мог привыкнуть к такому чуду, хотя повторялось каждое утро, вздрогнул от толчка локтем в бок.

– Не спи, замерзнешь. Что зришь?

– Работу богов, – прошептал Белоян зачарованно.

– Каких богов? – удивился Владимир. – Это я помог! Да и через стену лезет сам, боги не подсаживают.

Белоян вздрогнул, начал всматриваться туда, куда указывал князь. Как назло, снова задул злой ветер, бросал в лицо клочья холода, словно зима пыталась вернуться хоть в таком виде.

– Есть, – сказал он негромко, в голосе были недоверие и страх. – Я догадывался, но вот так увидеть...

– Мне бы твои глаза, – сказал Владимир с досадой.

– Тогда пришлось бы расстаться с княжеством.

– Врешь, – не поверил Владимир. – У нас всегда было так, что князь был и верховным волхвом. Одно другому не мешало.

– Это когда княжество было с птичий двор. Вон гляди... видишь темное облачко?

– Только светлое, – отозвался Владимир напряженно. – Пыль из-под копыт его коня! Где раздобыл, подлец, так рано?.. Об этом не уговаривались.

Волхв всматривался, приложив ладонь к глазам козырьком, защищаясь от солнца, но в другой руке был резной посох, темный камень наверху налился багровым, в нем смутно бродили тени, вспыхивали короткие колющие искорки. Там, куда Белоян смотрел, быстро удалялось желтое облачко пыли, потом погасло, когда беглец погнался по раскисшей дороге, зато видно, как взлетают черные галки сзади: выброшенная копытами жирная земля.

Волхв наконец опустил ладонь, в желтых волчьих глазах были страх и злое торжество, словно задрал забредшую в лес корову.

– Оно ушло следом, – сообщил он.

– Какое оно? – спросил Владимир нетерпеливо. – И кто?

– Если бы знать... Но теперь привязалось за ним неотвязно. Так что твой план раскусили, княже.

Владимир кивнул:

– Вот и хорошо. У Добрыни на заставе богатырской уже неделю лежит свиток за семью печатями. Сегодня срок сломать...

Волхв все еще поглядывал в ту сторону, куда удалилось видимое только ему незримое облачко.

– Он сам поедет?

– Нет, но Добрыня единственный, кто там читать-писать умеет. Да и то дивно: силен, как три медведя, а грамотный! Словом, он найдет кого послать. Эти, что раскусили мой замысел, разбойника все равно сразу не ухлопают. Иначе мне быстро станет известно, я тут же пошлю другого. Его прибьют подальше от Руси. Чтобы я все еще ждал, надеялся... Зато, когда его устроят, сами успокоятся. А настоящий богатырь тем временем доберется до Царьграда, сорвет щит и вернется, пока там не спохватились. – Он вдруг зябко повел плечами. – Пойдем. Еще поглядим, кто кого переборет! У них ромейская хитрость, у нас – смекалка русов и славян. Да и печенежская сгодится.

Непривычно было мчаться на рослом боевом коне навстречу рассвету. Городские ворота растаяли в утреннем сумраке, воздух был свеж, но жар не оставлял сильное здоровое тело.

Дурак князь, обещал боярскую дочь... Конечно, пришлось сделать вид, что обрадовался. На самом же деле отвлекал стражу в другую сторону, выручая Владирога, друга еще по детским играм. Правда, тот теперь княжеский дружинник, если бы и поймали, то отец наорал бы, тем бы и кончилось, а вот он сдуру свалился в яму, ее только что вырыли под выгребную... Хорошо, не пользовались еще.

Он вспыхнул, скривился, представив себя в непотребном виде, замычал от стыда и злости. Подвигал спиной, чтобы ощутить тяжесть исполинской палицы, и сразу на душе вроде бы отлегло. Любому мужчине становится легче, если прикасается к оружию, будь то простой нож или вовсе палка.

Ближе к лесу, это уже верст пять от городской стены, услышал стук копыт. Еще не оборачиваясь, Залешанин знал, что догоняет Владирог. Из младшей дружины которого вот-вот переведут в старшую, старается изо всех сил. Конь Владирога стучал копытами особенно звонко, чем его только подковывает, конская сбруя позванивает, даже сам Владирог через два конских скака на третий обязательно стукнет ножами меча по стремям.

Залешанин придержал коня. Шлем на голове Владирога блестел, доспехи сияли так, что можно смотреться, с кончика шлема трепетал красный яловец, и все на Владироге блестело, сверкало, даже конская сбруя разбрасывала солнечные зайчики, ибо бляхи на ремнях размером с собачьи миски.

– Когда они полезли со всех сторон, – торопливо заговорил Владирог, – я увидел, что нам уже не выбраться... Тут ты поднялся во весь рост, зашумел. Они бросились к тебе, завязалась драка... Случай был удобный, я ускользнул за кустами. Там тень была такая, что дружину прятал бы, никто бы не отыскал. А потом, когда тебя скрутили и увели, я только пару раз сумел повидаться с милой Залюбой. Первые дни охрана ослабла, а потом снова... Поверишь ли, я сколько раз пытался пробраться к тебе... хоть словом перемолвиться!.. но стражи, как назло, всегда либо дремали возле самой двери, либо отходили не дальше колодца. А просто так подойти, как подходил к тебе конюх, я видел, как он тебе что-то кричал, я ж не мог – все-таки княжий дружинник! Увидели бы, что я с татем гутарю, могли бы и в шею из дружины...

Конечно, в шею не погнажи бы, Залешанин знал, да и Владирог знал, но рассказывал, изливал душу, а Залешанин ехал мрачный, как ночь в колодце, себя сжал так, что вот-вот душа выбрызнет. Залюба! На какую только дурь не пойдет человек ради женщины! Но Владирог, даже идя на эту дурь, все же послал его, Залешанина, впереди... Умен, такой скоро всех ототрет от князя, только сам будет лизать ему сапоги.

– Перестань, – сказал он как можно более ровным голосом. – Ты ж видишь, все обошлось. Я снова на коне.

Владирог вздохнул:

– Да, конь у тебя и воеводе на зависть... Ты в самом деле зла не держишь?

– Да ладно, чего там, – отозвался Залешанин.

– Нет, правда... Ну что я мог там сделать?

– Я ж говорю, перестань, – отмахнулся Залешанин.

Владирог ехал рядом, поглядывал искоса. Разбойник и вор сидит в седле гордый, спина прямая, словно эти земли принадлежат ему. Но оделся еще гаже, чем когда пробрался в Киев: вместо вышитой петухами рубахи – душегрейка из звериной шкуры, а шкура выделана плохо, вон конь все еще пугается волчьего запаха. Волосы перехватил на лбу широким обручем из простого булата, на руках широкие железные браслеты, как на запястьях, так и на предплечьях. Из оружия только нож на кожаном поясе да исполинская палица из вырванного с корнями деревца, умело окованная закаленным булатом. Правда, палица с оглоблю, а по весу, судя по размеру, такова, что собьет всадника вместе с конем...

Он с сомнением смотрел на чудовищную палицу. Из цельного дерева со срубленной верхушкой, почти в рост человека, выдранная из земли с корнями, ибо самое крепкое дерево всегда там, внизу, где корни, а те срублены так, что торчат пеньки в палец высотой. У рукояти крепкая ременная петля, что надевается на кисть, дабы не выскользнула из ладони при схватке.

– Ты что же... – спросил он с недоверием, явно не зная, о чем говорить с другом, который попался из-за него, – сумеешь такой драться?

– А чем она хуже твоего топора?

– Ну... топором я могу хотя бы замахнуться. А то и ударить.

Залешанин неспешно взял палицу, подбросил, поймал за рукоять, подбросил выше. Владирог задрал голову, брови взлетели вверх, сам Муромец не подкинет так высоко... правда, старик не больно бахвалится силой. Залешанин подхватил на лету палицу, Владирог отшатнулся, ибо вокруг Залешанина вдруг засвистел воздух, завыл как лютый зверь, заревел по-медвежьи, засвистел по-птичьи, палица превратилась в смазанные полосы, что месили воздух так, что одежда Владирога затрепетала как при сильном ветре.

– Ого, – выкрикнул он, – ты как это?

– Ручками, ручками, – ответил Залешанин из середины вихря. Золотые волосы трепало ветром, он сам колыбался как в воде, руки мелькали, палицу Владирог даже не видел, она оказывалась сразу в десятке мест. – Палица – это палица!

– Во зверь, – прошептал Владирог. – Ты мог бы стать у князя не последним из дружинников!

– Это для тебя честь, пес, – сказал Залешанин презрительно. – А я – волк!.. Моя нора в темном лесу, а не в собачьей конуре.

– Мы живем в теремах, – обиделся Владирог. Он выпрямился, голос стал суше. – Это великая честь – быть верным псом киевского князя! Тебе бы поклониться князю, повиниться! Авось простил бы за такую силищу. Ну, сперва походил бы за конями, конюхи – тоже люди, а потом, глядишь... Я попробую замолвить слово. Ничего не обещаю, сам понимаешь, но попробую...

– Спасибо, – сказал Залешанин беспечно. Его глаза смотрели вдаль, из-за виднокрая выглянул край солнца, брызнул в лицо так весело, неожиданно, что он отшатнулся, засмеялся счастливо, повторил: – Спасибо, не надо.

– Почему?

– Пес из конуры не зрит такого восхода солнца. Ему забор мешает! Да и цепь далеко не отпустит. А вот волк...

– Ну смотри, – сказал Владирог. Он начал придерживать коня, но Залешанин ехал все так же, и Владирог повторил уже с сумрачной угрозой: – Ну смотри... Да, к слову, тебя ж вроде посадили под крепкие запоры?

– Было дело, – отозвался Залешанин, он не обернулся, но слышал, как Владирог пустил коня следом, поехал шагах в трех.

– Но как же...

– Ты что, меня не знаешь?

– Знаю, но... Там запоры надежные, сам видел. Как ты сумел? Или кто помог?

Залешанин повернул голову. Владирог ехал напряженный, глаза упорно смотрели ему в спину. Встретившись глазами с Залешанином, почему-то вздрогнул, в замешательстве отвел взгляд.

– Ладно, не говори. Ты в лес аль как?

– Аль как.

– А это куда?

– Не спрашивай, и тебе не совру, – ответил Залешанин, посоветовал: – Возвращайся. Еще хватятся. А ежели кто заметит, что вернулся той дорогой, какой ускакал я, то не видать тебе старшей дружины.

Владирог остановил коня так резко, что тот едва не сбросил его через голову, а потом оскорбленно поднял на дыбки. Залешанин захохотал и пустил коня вскачь. Встречный ветер охлаждал лицо, трепал волосы и конскую гриву. Земля с грохотом бросалась под конские копыта, исчезала, едва проскочив за стременами, а впереди степь уходила в бесконечность, лишь иногда на виднокрае то справа, то слева темнели гаи, рощи, темные клинья леса.

Свежий утренний ветер обдувал лицо, вдали начала разрастаться стена леса, и Залешанин ощутил, как гадкое чувство растворяется подобно смрадному дымку на чистом воздухе.

...Владимир долго глядел вслед ускакавшему смерду, а когда тот исчез из виду, все еще делал вид, что смотрит вслед, хотя душа уже обогнала разбойника, влетела в Царьград, пронеслась по широким знакомым улицам, ворвалась в императорский дворец, где каждый уголок знаком за два года службы в охране...

Снизу со двора доносились вопли, конское ржание, звон оружия. Воевода Претич не упускает случая, чтобы не заставить княжеских гридней побегать с камнями на плечах по двору, а самые здоровые берут на плечи своих коней и тоже бегают по кругу, как жеребцы при виде кнута.

Вздыхнув, Владимир медленно, как старик, нащупал подошвой сапога перекладину лестницы... Он сам чувствовал, что спускается только его тело, а душа уже проникла в покои принцессы Анны, ухватила ее в объятия...

А внизу воевода, страшно выпучив глаза, орал на Чеймана. Сын печенежского хана для старого воеводы был просто сукиным сыном, которому от младшего дружинника до старшего, как до Царьграда на карачках.

– Усы отрачивать мало, надо еще и работу делать!.. Ты должен доказать, что ты не коза на веревке, а ратник!.. И не простой, а тот, который и в строю дерется, плечо в плечо с другими... Как зовется такой ратник?

– Сратник, – промямлил Чейман несчастным голосом.

– Правильно, сратник! – одобрил Претич. – Когда втемяшишь в голову, что бои в городе – это не в степи, и тут надо не рвы строить, а завалы копать?..

Чейман робко проблеял:

– Как это... завалы копать?

Претич рывкнул:

– Молчать, когда я тебя спрашиваю! Ты воин или где? В бою или что? Дружинник должен блистать не умом, а доспехами. Вот погляди, как у меня все сверкает!.. А вон у князя так и вовсе сияет так, что глаза на лоб лезут...

Владимир скривился еще больше, воевода если похвалит, то будто помоями обольет.

– Эй, Претич!.. Не мори мальцов. Вроде бы большой войны не намечается, а ты с них по три шкуры спускаешь!

Претич огрызнулся сердито:

– А Дикое Поле? Когда разбили Хазарию, пусть даже вкупе с печенегами, сразу бы забрать все земли себе! А так расчленили на три равные половины!.. Вот и копошится там всякое...

Пока Чейман в муках пытался понять странные слова знатных русов, воевода буркнул что-то вроде: живут тут как свиньи в берлогах, махнул рукой и удалился на задний двор, где заставлял бегать с мешками камней на спине. И хотя бедный Чейман раньше думал, что свиньи вроде бы в берлогах тоже не живут, даже в этих берложьих краях, и непонятно как расчленивать на три части... тем более на три половины, но это ему нельзя, а князьям, наверное, удастся. Это и зовется ромейским словом «политика», что начинает приживаться и при киевском дворе.

За спиной Владимира страшно заржали кони. Он ощутил холодок тревоги, но чутье и запах подсказали, что это приближается не страшный див, а всего лишь верховный волхв. Голос за спиной прогудел густо, будто шел из-под корней старого дуба:

– Чего шерсть дыбом встала?.. Хорошая новость!

Белоян подошел широкий, переваливающийся на коротких ногах, пасть оскалил так, что шарахались даже на другом конце двора.

– Брешешь, – сказал Владимир недоверчиво.

– Волхвы никогда не врут, – наставительно изрек Белоян. – Они могут утаивать правду, недоговаривать, переименовывать... но разве это ложь?

– Давай твою новость, – потребовал Владимир. – Посмотрим, стоит ли она...

Белоян сказал медленно, словно уже раздумывая, не повернуть ли обратно:

– Да так, пустячок... Я нашел, из чего выковать тебе меч.

Владимир подпрыгнул:

– Ты... Давай неси!

– Ага, неси! Мне только поднимать такие глыбы...

Владимир опомнился:

– Тьфу, прости. Ты ж только меду унесешь хоть сарай, хоть всю пасеку... Давай веди. Я сам отнесу в кузню, ничьим лапам не доверю.

Волхв осторожно посмотрел на князя:

– Да? Но тогда вели седлать коней...

Владимир ощутил, что если еще не душа, то сердце уже здесь, колотится о ребра как ошалелое. Мужчине сказать, что у него будет меч, каких нет на земле... или таких можно пересчитать по пальцам, – это вдохнуть вторую душу.

– Тверка!.. – закричал он отроку. – Быстро седлай двух коней из моей конюшни. Две седельных сумы побольше.

Он отпрянул, когда волхв сказал изменившимся голосом:

– Княже... это не у меня во дворе. Ежели ты думаешь так. Это далеко...

– Где?

– Пока не знаю.

Владимир вытаращил глаза, потом грозно нахмурился:

– Как это?

– Металл, из которого надо ковать твой меч... еще не на земле.

Владимир отшатнулся:

– Ты что мелешь? А где, в море? На дне реки? В горах? На острове Буяне?

– Княже...

– Говори!

– Всяк знает, что до неба лет пятьсот лету. Знаешь?.. Вот-вот. Значит, и с неба летит примерно столько же. Мое ведовство показало, что сейчас к земле летят куски, из которых в самый раз выковать меч...

Владимир стиснул челюсти, перевел дыхание, охлаждая гнев. В глазах посветлело, хотя красная пелена ярости еще колыхалась перед глазами, постепенно светлея.

– Откуда знаешь?

– Ведовство... Ну ладно, волхвам ведомо, что такие глыбы сыплются на землю через каждые пятьсот лет. У нас сохранились записи. В прошлый раз падали куски чудесного железа, легкого и прочного, ни один меч не пробивал доспехи из такого металла. А сам меч сек все как капустные листья. И в позапрошлый раз...

– Думаешь, и сейчас упадут?

Волхв сказал осторожно:

– Что трижды стряслось, почему не получится в четвертый?.. Кто знает, что на небе творится. То ли колеса за что-то задевают, а там колеса огромные, то ли какая богиня, проходя мимо, всякий раз... Это мы живем как комары, только мельтешим, а у богов сто наших лет – один день... А то и час, как говорят волхвы древлян. Но разве там волхвы?.. Словом, камни должны начать падать завтра. Три дня будут сыпать! Мелкие – с орех, крупные – с яблоко. Но упадет, возможно, и глыба с конскую голову. Вот ее-то и надо ухватить раньше, чем найдется другой охочий до чужого добра.

– Какое же оно чужое? – усомнился Владимир. – Кто нашел, того и...

– С нашего неба падает! – возразил Белоян сварливо. – Из вирия! Когда-то из вирия упал шмат земли, самой богатой и плодородной, на ней и стоит теперь наша Новая Русь, понял?..

Претич подошел, слушал с умным видом, прогудел знающе:

– Хоть и волхв, а дурень. Да и какие мозги у медведя? Главное, не откуда падает, а куда. Пусть даже из чужого вирия какой разиня бог уронит, но раз упало на наши земли...

Владимир отмахнулся:

– Тихо, юстинианы. Когда, говоришь, рухнет?

– Завтра к полудню. Но выехать надо с рассветом. А то и раньше.

ГЛАВА 10

На востоке от виднокрая вверх по куполу уверенно поднимался, словно сок по дереву, нежно-розовый румянец. Перед ним отступала широкая светлая полоса, а под ее натиском только на западной половине неба еще царила ночь с затухающими звездами.

Кони бодро выбежали со двора, порывались пуститься вскачь, разогреться в холодном утре. Владимир велел ехать шагом: по тесным улицам Киева навстречу уже потянулись первые телеги с горшками, свежезабитыми тушами коров.

За князем ехали, покачиваясь в седлах, Претич с дружинниками. Пятеро молодых, крепких, все еще зевали, протирали глаза, больно внезапно воевода поднял и бросил в седла, а Претич раздраженно покрикивал:

– Вы витязи или где? Вы в походе или кто?.. Быстрее, не то замерзнете!

Чейман опять мучился, труден славянский язык, но надо осваивать: отец требует верной и преданной службы киевскому князю, ведь с кочевой жизнью печенегов уже покончено...

Владимир с ехидной усмешкой заметил, но смолчал, что воевода взял самых молодых. Из кожи вон полезут, только бы показать себя, да и покрикивать проще, не огрызаются.

Претич взял бы и больше народу, но Владимир не дал, но все же воевода был счастлив, все-таки солнце встретит не в постели, а как подобает мужчине: в чистом поле и с мечом в руке. Ехал надменный, но веселый, покрикивал на селян, что торопливо прижимали телеги к домам, давая дорогу, одному встреченному вознице велел наставительно:

– Дед, застегни ширинку!

– Когда в доме покойник, – смиренно ответил старик, – ворота не закрываются...

Претич с презрением отвернулся. Этот ныне старик ему в сыновья годится, а уже скукожился, спешит на покой. Настоящие мужчины в постели не умирают!

Сзади всех ехал на толстом, как вол, коне Белоян. Он явился к князю раньше всех, да не один: с ним робко переминался с ноги на ногу молодой парняга поперек себя шире, налитый звериной силой, лохматый, чем-то напоминающий одичалого медведя. Потом Владимир вспомнил рассказы о некоем Медведко, которого баба родила после зимовки в берлоге. Медведь сгреб ее осенью, а весной баба явилась уже брюхатая. Ребенок родился волосатым, но потом волосы выпыпадали, научился говорить, жить по-людски, но что-то зверячье в нем просматривалось... Белоян взял его в помощники, и парнишка привязался к нему как к родному отцу.

Сейчас Медведко сидел позади всех на смирной толстой коняге, а Белоян поторапливал князя и дружинников, он так часто запрокидывал голову к небу, что не заметил, как конь повернул назад, решив досмотреть сны в теплом стойле. Трава блестела, вся в крупных каплях росы, видно было, как из-за кустов с испугом и любопытством смотрят мавки, мелькнула волосатая спина, но дружинники ехали с гомоном, свистом, а потом заревели могучими голосами походную песнь, и нечисть попрыталась, утраченная блеском железа.

Уже в полуверсте от городских ворот Киева начинался свирепый дремучий лес. Он пробовал подступать и ближе, но молодую поросль нещадно вырубали горожане. И себе на дрова, и князь строго следит, дабы под покровом зелени враг не подобрался к городским стенам незамеченным. Молодой лесок и кустарник рубили, жгли, траву вытаптывали и тоже жгли. Но дальше поднималась черная стена злого леса, где даже в разгар лета холодно, ибо корни тянут ледяную воду из глубин земли, охлаждают стволы и сбрасывают ее паром с листьев. Под ногами пружинит толстый слой прошлогодних перепрелых листьев, под ним прогибается мясистый зеленый мох, а под мхом затаились толстые, как свиньи, корни, только не розовые, а мертвенно-белые, склизкие, страшные, не видевшие солнца. Иные прорывают мох, вздыбливаются страшными петлями, готовые ухватить зазевавшегося зверя или птицу, но не могут их чары выстоять перед

стрелами Сварога, застыли корни недвижимо, потемнели, стали цвета старых веток, только крепость сохранили непомерную...

Мужики ездили в лес под охраной княжьей дружины. Больно зверя много лютого, лешие за каждым деревом, мавки среди веток, исчезники, чугайстыри, все берегут свой лес, рубить не дают, приходится одним рубить, другим отстреливаться, а то и мечами помахать.

Лес брали на стену вокруг города, на терема, дома, сарай, а у деревьев в три обхвата и больше, которые не срубить, не увезти, подрубывали кору, обдирали на высоту своего роста, чтобы за год-другой начало сохнуть, а потом и спалить можно... Глядишь, еще пядь земли отвоюют у дремучего опасного леса.

Волхв помалкивал, Владимир впервые за много дней дышал вольно, свежий воздух врывался в грудь как горный поток, что падает с высоты. Киев с его мелочными дрызгами позади...

Ехали весело, горланили песни. На берегу Днепра увидели девок, те полоскали белье. Дорожка шла в трех шагах, а смешливые девки, завидя рослых удалцов на могучих конях, принялись с утроенной старательностью полоскать белье, наклоняясь так низко, что богатыри мычали от муки, а глаза их выпучивались как у раков.

Претич прикрикнул строго, дружинники проехали, но оборачивались, показывали знаками, что пусть дождутся, вот-вот поедут назад, а тогда уже без княжеской удавки на шее... Пошли вздохи, шуточки, рассказы, как и когда кому удалось затащить какую на сеновал, в лесок, запрыгнуть в постель к боярской жене...

Лишь двое из богатырей, заметил Владимир, вежливо улыбались, но как воды в рот набрали. Один – Чейман, другой – Олекса. Ну, насчет Олексы Владимир знал. Храбрый витязь, внучатый племянш самого Претича, отважный и красивый, еще умелец игры в тавлеи, певец и танцор. Дружинники, даже распалившись рассказами, его, однако, в разговор не увлекали. Уже знали, таких разговоров избегает, а то и просто встает из-за стола. И не одна боярская дочь промочила горькими слезами подушку, не понимая, почему так холоден этот самый красивый и статный из киевских богатырей. И было бы дело в соперницах, стало бы понятно. И понятно, что делать. Извела бы ее, змею подколодную, тварь поганую, зелья бы подсыпала или порчу навела, и всего-то делов... Но он вовсе на женщин не смотрит!

А сам Олекса видел, как мучительно медленно поднимается по небу оранжевое солнце, еще не усталое от дневных трудов. Еще мучительнее потянется долгий день, зато ночью снова возникнет в его комнате некая дева... или молодая женщина. Но ставни плотно закрыты, свеча погашена, в полной тьме он почувствует только жаркое упругое тело, женские руки его ласкают, и голос шепчет ласковые слова, он хватает ее жадно, но на все уговоры мягкий женский голос отвечает: нельзя ему видеть ее лицо. Не потому, что безобразна, но нельзя смертному зреть...

В первый раз его пробрал холод, потом сразу бросило в жар. Слышал от старых людей, что в давние времена боги опускались к людям и жили среди них, но смертным нельзя было зреть их лица. В самом деле, нельзя вообразить, чтобы у простой женщины было такое жаркое тело, чтобы он горел и не сгорал, а утром, когда она исчезнет, мучительно и страстно ждал прихода ночи...

Вчера едва удержался, чтобы не зажечь свечу, когда незнакомка уснула на его плече. Он в который раз ощупал ее всю: ни рогов, ни копыт, ни рыбьего хвоста. А вместо запаха серы и горящей смолы – дивный аромат странных цветов, что могут расти разве что в вирии. И сегодня... боги, укрепите его стойкость... не зажжет ни свечу, ни факел. Но воля слабеет, а жажда увидеть ее лицо все сильнее...

Белоян привстал на стременах, конь застонал, его зашатало из стороны в сторону, хотя это был самый массивный жеребец из княжеской конюшни. Всмотревшись, определил:

– Вон к тому перелеску! Прямо на сосну с березовой верхушкой... Видите одинокое дерево в лесу?

Претич, ничуть не удивившись, приложил ладонь козырьком к глазам:

– А там что-то ползет...

– Где?

– Вон за кустами... Вон вышло... Опять в кусты... снова вылезло... Но как идет, как идет! Корова какая-то. Свинья, наверно.

– Будем лазить по лесу? – усомнился Владимир. – Много найдешь среди кустов да прошлогодней листвы...

– Боги знают, куда бросать... Пусть твои воины едут в сторону березового ивняка...

Совсем мудрый стал, подумал Владимир с сочувствием, такое горodyт, когда уже все звезды по именам помнят...

– Березового ивняка? – уточнил он на всякий случай.

– Да. По правую руку пойдут сосны, березы и другие кустарники, а вы езжайте по левую...

Он не договорил, голова запрокинулась. Владимир тут же посмотрел на небо. Среди синевы показалась белая черточка, за ней другая, третья... словно крохотный снежок катился по своду, быстро истаявая.

– Падает?

– Началось, – прошептал волхв.

– А куда упадет, знаешь?

– Погоди... Сперва сыплется мелочь... Потом пойдут настоящие...

Владимир зябко передернул плечами:

– А если такая глыба влупит по голове? Она ж мне чуб испортит...

Волхв гикнул, конь послушно ринулся вперед. Дружинники замялись, поглядывая то на усакавшего волхва, то на князя. Владимир молча указал вперед. Конь под ним обиженно подпрыгнул, больно хозяин пинается, с места пошел галопом, догнал волхва.

Степь мелькала под копытами то зеленая, то черная, копыта гремели и по камню, затем снова пошла зелень, впереди всего в двух-трех верстах начал вырастать лес. Чейман несся на легком печенежском коне, он пригнулся к гриве, приподнял зад, стоя только на стремях, и они неслись, далеко обогнав всю дружину.

Внезапно Владимир увидел, как Чейман сдернул с седельного крюка боевой топор. Солнечные блики ударили в булатное лезвие, раздробились и рассыпались острыми искрами по степи.

Рядом с Владимиром остроглазый Претич вдруг ахнул:

– Неужто... печенеги?

Владимир приподнялся на скаку. Далеко в степи, наполовину закрытые могучими плечами Претича, неслись всадники. Различались только крохотные фигурки на конях, да и тех то и дело скрывало пыльное облако, видно только, что их больше, намного больше...

– Не печенеги, – возразил себе Претич. – Откуда им?... Да и Кучуг... Дружина князя Круторога?... Березовского князя?

Чейману орали, свистели, и он нехотя придержал коня, дал себя догнать, дальше скакал уже в боевом ряду. Дороги сближались, Владимир уже видел место, где пути пересекутся...

Задним мчался, не поспевая за резвыми конями, Белоян. Владимир оглянулся, увидел раскрытый в крике рот верховного волхва.

– Они... за... небесным... железом!

– Сами видим, – крикнул Владимир.

Всадники, похоже, неслись на свежих конях. Одеты по-росски, на остроконечных шлемах красные яловцы, но в ровном нечеловеческом строе, в одинаковом галопе, во всем он ощутил ту железную дисциплину и выучку, к которой сам привык на службе у базилевса и которой так не хватало ему в Киеве.

– Ромеи! – вскрикнул он.

Воевода оглянулся. С ним пятеро воинов, сам князь, который десятка лучших богатырей стоит, волхв с помощником... ромеев всего-то не больше двух дюжин, но так далеко простых не пошлют, это наверняка богатыри страны Румов...

Владимир медленно потащил из ножен меч. Лицо его было угрюмым. В нечеловечески ровном строе чувствовалась слаженность военной машины, что увеличивает силы каждого воина еще в десятки раз. А русы все еще больше полагаются на свою силу и удаль.

Белоян тронул его за плечо:

– Погоди!

Руки его уже двигались. Над отрядом заблестали искры, словно под ярким солнцем сыпались крупные снежинки. Белоян двигал руками, что-то выкрикивал, и незримый шатер, окружающий отряд, нехотя съеживался, словно его со всех сторон прижимали незримые ладони.

– Что за дрянь? – спросил воевода.

– Сам ты... – ответил Белоян. Он дышал тяжело, по морде бежали крупные капли, оставляя в густой шерсти глубокие бороздки. Руки бессильно упали по бокам. – Это могучее волшебство...

– Ты его вдрызг? – спросил воевода. Он вскинул над головой топор, но Белоян перехватил его руку:

– Не спеши.

– А чего?

– Здесь не Британия, копать надо глубже...

Воевода напряженно смотрел на приближающихся всадников. Они перешли на шаг, явно чувствуя, как незримый щит исчезает, но все равно двигались как лавина из каменных глыб, что сметет все, их те же две дюжины, а в руках вовсе не иконы.

– Погоди, – повторил Белоян. Он обернулся к помощнику: – Давай, Медведко.

Парень искоса поглядел на князя, с опаской – на грозного воеводу, шепнул что-то волхву. Белоян отшатнулся, кивком указал на приближающихся ромеев.

Владимир обернулся:

– О чем спорите?

– Да так, – ответил воевода мудро. – Тут есть два мнения, как справиться... Одно неправильное, а второе – мое. Коротко говоря, если говорить короче, то если сказать в нескольких словах, то я придумал старый способ. Мы ж не козы на веревках, а воины! Хоть некоторые из нас даже князь, но если ударить дружно, то наше авось не с дуба сорвалось, от них только сопли по траве взамен росы...

Белоян бросил брезгливо:

– А от нас?

– Храбрый смерти не страшится, – ответил воевода гордо. Он расправил седые усы. – Помню, лет эдак сорок назад тоже перли рогатые... Нет, с хвостами на головах... Княже, пусть перестанет скалиться! То ли хохочет по-медвежьи, то ли покусает.

Помощник уже выбежал навстречу, из ряда блистающих всадников вперед выехал высокий воин в зеленом плаще. Он вскинул руку, помощник на бегу споткнулся, пробежал пару шагов, нелепо махая руками, не удержался на ногах. Дружинники ахнули, а Владимир крепче стиснул рукоять меча, когда парень с размаху въехал мордой в не топтанную копытами траву почти под коней ромеев.

Белоян перехватил руку князя. Владимир остановил в глотке боевой клич, выдохнул с досадой:

– Убери лапу. У тебя не только морда, но и когти...

– Слабеешь от пьянства, – ответил Белоян. Глаза его не отрывались от помощника.

Тот начал подниматься, но теперь спина его была почти бурой, горбатой, кони попятись, начали подниматься на дыбки, ржали и отбивались копытами. Перед ними встал исполин-

ский медведь, рывкнул так, что в страхе присели на крупы даже кони дружинников, а под князем попятился. Медведь с невероятной скоростью бросился на всадников, бил лапами, страшно ревел, опрокидывал коней с людьми вместе. Перепрыгивал и набрасывался на других, но в схватки не ввязывался.

Воевода заорал с восторгом:

– А я все думал, чего мыться не любит?.. Давай, Белоян, ты ж тоже этот... косолапый.

Владимир вопросительно посмотрел на Белояна. Тот кивнул, глаза волхва неотрывно следили за помощником, губы шевелились.

– Слава! – вскрикнул Владимир. Он поднял меч, в руку хлынула злая мощь, вздувая жилы. Горячая кровь зазвенела по телу. – Истребим!

Земля загрохотала, сочная степная трава разбрызгивалась под копытами липким соком. Из двух дюжин осталась на конях едва ли половина, а из пеших только трое метались, разыскивая выпавшее оружие, остальные либо лежали недвижимо, либо пытались выбраться из-под придавивших их коней.

ГЛАВА 11

Ромеи, если это ромеи, встретили натиск умело, успев сомкнуться, составив щиты в ряд, короткие мечи внизу, слева от щита, для быстрого удара в живот. Владимир, который сам сражался в таком строю, вспомнил и уязвимое место таких ровных линий, что умеют давить сомкнутым строем, истреблять без счета нестройные ряды варваров, но если внезапно перед ними оказывается герой...

Он страшно выкрикнул таким громовым голосом, что дрогнула земля, качнулось небо, от крика едва не лопнули жилы на шее. В обеих руках блеснуло по мечу, он бросил коня вперед, словно жаждал погибнуть, так герои-варвары прорывали безупречные ряды римских легионов, македонских фаланг, парфянских элит...

Они дрогнули, видел по лицам, чудовищно огромный и сильный конь навалился и смял двоих, а мечи в его руках заблистали быстро и страшно, звон железа стал частым, словно с небес сыпались на широкий лист железа наконечники стрел. Сразу три дротика ударили его в грудь и плечо, его мечи ссекли наконечники, а вторым ударом он уже достал одного, тут же поразил второго, потянулся за третьим, но с боков толкнули, вперед начал протискиваться Претич, за ним Чейман и, к изумлению Владимира, пугающе оскаленный Белоян, от вида которого кони вставали на дыбы, стряхивали всадников, а сами всадники бледнели и роняли оружие.

Владимир со страшной силой обрушивал меч, молниеносно поворачивался, рубил, вместо щита удары принимал на другой меч, рядом держались воевода и вечно мельтешащий перед глазами Чейман. Воевода привычно бдил, дабы дитяти не причинили вред, Белоян берег великого князя, ревнителя старых устоев, с двух сторон настолько умело взялись защищать обозленного великого князя, что никак не мог показать себя во всю мощь, а тут еще Чейман всюду лезет вперед, норовит грудью закрыть, красиво умереть жаждет...

Помощник, что стал медведем, кидался как дикий зверь, сила стала медвежьей, но соображал как человек, на меч или копье не кидался сдуру, а ревел так, что конь пугался и сбрасывал всадника ему под лапы. Дружинники рубили быстро и страшно, спеша воспользоваться растерянностью врага.

Владимир наконец добрался до угрюмого всадника-мага. Тот нехорошо оскалил зубы, в его поднятой руке внезапно заблистал меч. Владимир похолодел чуть, но за спиной его дружина, он выкрикнул по-ромейски оскорбление, его мечи взвились в воздух. Когда столкнулись, в глазах всадника он уловил изумление, железо зазвенело, враг оказался не только силен, но и умел драться, булат сталкивался в воздухе с такой скоростью, что для всех они были окружены мерцающей завесой из сверкающего железа, а от непрерывного звона пухли уши.

Владимир чувствовал, что уже везде кончился бой, дерутся только они двое. Воевода пытался прийти на помощь, но его перехватил Белоян или кто-то еще. Всадник-маг рубился умело и мощно, но его меч не успевал за двумя мечами Владимира, а князь обеими руками бился одинаково. Со шлема слетел яловец, на плече вздыбилась искореженная ударом булатная пластина, затрудняя движение, с руки со звоном слетел булатный наручень.

– Сдавайся! – крикнул Владимир, он тоже дышал тяжело, слова вырывались с хрипами. – И ты будешь жить...

– Как же... – прохрипел всадник по-русски, – ты такое и брату своему говорил...

Владимир вздрогнул, в этот миг подготовленный удар обрушился на его шею. Левая рука с мечом метнулась прикрыть, раздался звон, он ощутил удар в плечо и голову, отшатнулся, вслепую отмахнулся правым мечом, во что-то попал, а в голову хлынула звериная ярость, что делала его берсерком, страшным даже для викингов, с которыми он ходил в набеги на Италию, Францию, Британию.

Страшно вскрикнув, он приподнялся на стременах, перед ним было ненавистное лицо врага, что ударил в самое больное место. Звон, руку едва не вывернуло из плеча. Он охнул, пальцы разжались, выпустив обломок меча. Дружинники разом выдохнули воздух. Меч разрубил воина-мага до седла, лишь тогда сломился, ударившись о булатную пластину в седле.

...Владимир ощутил, что ему помогают слезть. Претич озабоченно пощупал рану на плече и шее. Владимир дернулся, воевода присвистнул:

– Еще бы чуть... Боги берегут. Хотя за что, не понимаю.

– Какие боги, – огрызнулся Владимир. – Мой меч... хоть и хреновый.

Белоян молча приложил к ране пахучие листья, перевязал тряпицей. Владимир кривился, похож на старую бабку, что мается горлом. Дружина сейчас смолчит, потом шуточки пойдут по всему Киеву...

– Потери?

– Двое ранены тяжко, но Белоян уже пошептал, – доложил Претич. – Да и вообще, кости правит... Медведь же тоже костоправ... ха-ха!.. только самоучка. Остальные ранены по мелочи.

Только сейчас Владимир разглядел, что Претич бледнее обычного, хотя глаза блестят довольно, а из-под шлема выглядывает краешек окровавленной тряпицы.

– Меч скуем, – пообещал волхв. – Настоящий!.. Видать, эти пиры не совсем тебя еще извели.

– И бабы, – добавил воевода.

– И бабы, – согласился Белоян. – Ты победил богатыря.

– А чего он... магией не шарахнул?

Белоян хмыкнул, а воевода сказал гордо:

– А этот клешоногий... который прикидывается волхвом, на что? Он же как клещ вцепился в его руки-ноги... А то и в язык. Ну, по-своему, по-волховьи... Короче говоря или выражаясь кратко, исподтишка, незримо. А тот, видать, уже привык драться по хитрости...

Владимир уязвленно хмурился. Выходит, что он и победил вроде бы не совсем по-равному. Это как княжеская охота, когда стой себе, а на тебя со всех сторон выгоняют оленей, дабы ты сам ножки не утрудил...

Белоян застыл, поднял руку. Все замерли, даже кони перестали фыркать, обнюхивая окровавленных людей. Высоко в небе нарастало едва слышное злобное шипение. Словно Змей Горынычдохнул огнем или же кузнец Людота сунул раскаленный меч в растопленное масло. В двух полетах стрелы мелькнуло огненное копьё, ударившее с неба, громынуло, на земле вспыхнул огонь, взлетели черные комья.

Не рассуждая, Владимир уже неся туда, едва успел придержать коня перед страшной ямой, где в глубине со злобным бульканьем кипела красная земля, быстро покрываясь коричневой коркой. А в самой середине вздыбилась корявая спина валуна...

Он соскочил с коня, едва не запутавшись в стремени, издали донесся истошный вопль волхва:

– Рассыпья по всему полю!.. Собирай!

Ага, собирай, подумал Владимир потрясенно. Он оставил коня, а сам, оскальзываясь на рыхлом крае, попробовал спуститься, вблизи видел, что это не камень, а покрытая окалиной глыба железа. От нее несло жаром, брови трещали, он закрылся рукой, приблизился, но брать не решился, земля только что кипела, как горячее молоко.

Смутно слышал радостные вопли. Дружинники затеяли какую-то игру, им все игра, хоть и раненные, а он, не в силах дождаться, попробовал замотать руки тряпкой из седельного мешка, обжегся, глыба даже не шевельнулась. Земля застыла, еще горячая, воздух над ней колыхается, глыба в ней торчит, как прибрежный валун во льдине.

Раздосадованный, вылез, а к нему уже спешили волхв с двумя дружинниками. К великому облегчению Владимира, дружинники несли целые оглобли, предусмотрительный у него волхв!

Долго стукали острыми краями, сбивали прикипевшую землю. Наконец подважили, навалились. Земля затрещала, затрещали и колья, но глыба дрогнула, медленно поползла вверх. Волхв оттолкнул князя без стеснения:

– Погодь... Она выпала из горнила небесного кузнеца. Вишь, еще не остыла?

– Надо сразу к Людоте, – сказал Владимир торопливо.

Волхв сказал значительно:

– Небесный огонь сохранится, даже если остынет. Ты проследи, чтобы и остальное собрали. Железа много нападало. Хорошо бы собрать все, но разве соберешь те, что с маковое зерно?.. А в них та же небесная мощь...

– Ребятишек можно прислать, – предложил воевода. – Пусть ищут, выковыривают.

– Девкам на бусы, – добавил Чейман. – В Киеве есть такие...

– Я те дам девкам, – рявкнул воевода. – Воинам на украшения! На оружие.

– Волхвам, – строго сказал Белоян.

– Волхвам зачем?

– На береги! Думаешь, не надо оберегать эти земли?

Владимир засмеялся, похлопал по рукояти уцелевшего меча:

– Вот чем надо оберегать. Родину не стены оберегают, не штучки волхвов, а наши сердца.

Белоян буркнул:

– Много тебе мечи помогли? Один сломался, второй треснул... треснул, треснул! Не видишь, я вижу. Но насчет детишек прав. Пусть ковыряются. Сколько смогут найти, за все стоит платить.

Когда возвращались, высоко по небу медленно двигался, словно выползал из липкой живицы, зеленый, как кленовый лист, Змей. Владимир рассмотрел даже просвечивающие крылья, небо раскалено, Змей пасть раскрыл, жарко.

Чуть ниже парит ястреб, этот опаснее Змея. Тот разве что на заблудшую коровенку нападет, а ястреб то и дело хватает цыплят прямо со двора. Вон еще один летит, явно уже отнес, спешит за новым...

Претич заметил глубокомысленно:

– Грят, стрелой с наконечником из такого металла Змея сшибают с одной стрелы!

– Кто говорит?

– Старики глаголят.

– Со стариков каков спрос? У них один ответ: в старину были богатыри, а скоро всемером одну соломину поднимать будут. А посмотришь на них, ага, богатыри...

Чейман услышал, подскакал ближе, горяча коня. На подбородке был глубокий порез, кровь уже запеклась коричневой коркой, а в щелях между погнутыми булатными пластинами забились коричневые комки своей и чужой крови.

– Я подсмотрел из окошка, – сказал он весело, – как мой дед садился на лошадь. Бодренько подсеменял, прыг на спину... да только и до брюха не доскочил. Встает, охает: старость – не радость!.. Оглянулся по сторонам, видит: никого нет, никто не заметил его позора. Сплюнул тогда под ноги и говорит сам себе: да ты и в молодости был не лучше...

Дружно заржали, пошли смешки, забавные случаи, кто-то затянул походную песню. Подхватили, кони пошли веселей, сами дружинники чувствовали, как песня всех выпрямляет, заставляет глядеть соколами.

Претич подъехал к Владимиру, оглянулся, снизил голос:

– Говорят, Свенельда видели...

– Где? – переспросил Владимир похолодевшими гу-бами.

– В этих как раз краях...

Словно бы огромная хищная птица пролетела над ним, закрыв исполинскими крыльями солнце. Владимир ощутил, как осыпало с головы до ног холодом. Могучие, но и очень странные люди пришли из неведомых земель в дружине его прадеда Рюрика. Кроме героев, вроде Асмунда или Рудого, были если не колдуны, то такие, как Свенельд... Священник, что при Ольге начал вести летопись, записал, что в 914-м, если считать от рождения их бога Христа, воевода Свенельд покорил главный город угличей Пересечен. В том же году сам Игорь покорил древлян, наложив дань больше Олеговой. Так что Свенельд уже тогда был как воитель равен князю Игорю, а войска у него было не меньше. Через тридцать с небольшим лет, в 945-м, Игорь убит, а Свенельд служит главным воеводой у его сына Святослава. Правда, Святослав еще совсем ребенок, и Свенельд командует всеми войсками Руси... Но вот подросток Святослав, начал свои победоносные войны... Еще почти тридцать лет Свенельд сражается бок о бок с князем, наконец в 972-м тот убит, а Свенельд, что всегда при Святославе, как-то прорывается из окружения в Киев... Служит главным воеводой уже у сына Святослава, Ярополка... Он же натравил Ярополка на брата Олега, а когда тот погиб в 977-м, Ярополк горько упрекал Свенельда, что тот, мол, добился своего...

Как и когда умер Свенельд, никто не знает, а могилы не видели. Владимир по рассказам дряхлых стариков знал, что уже у его прадеда Рюрика он был немолодым суровым воином. Когда речь идет о великих людях, то не знают даже год рождения, но все знают день и час смерти, ибо такое отмечают по всей стране. Но бывают люди, о таких поговаривают шепотом, которые появляются словно ниоткуда, оставляя заметный след, затем так же исчезают...

– Ну что ж, – ответил он хрипло, стараясь придать голосу беспечность, – потороплю Людоту, дабы меч отковал побыстрее!

ГЛАВА 12

В Киеве была целая улица кузнецов, как улицы оружейников, горшечников, пекарей, улицы с мясными лавками. Только один из кузнецов жил при княжьем тереме, во дворе ему поставили кузню, что не знала нехватки железа, угля или дюжих молотобойцев.

Заслышав стук копыт, на порог вышел сгорбленный старик. Белая как снег борода заправлена за кожаный передник, в плечах широк: любому богатырю на зависть, толстые, как бревна, руки с ревматическими вздутыми суставами опускаются до колен. Не по-старчески острые глаза окинули всадников цепким взором. Голос, хриплый и прокаленный в жарком горне, раздался как мерные удары молота по наковальне:

– Доброго здравия, княже... Давненько не захаживал.

Владимир соскочил с коня, Белоян подал ему мешок.

– Людота, – воскликнул Владимир, – ты самый лучший на свете коваль. Я не тревожил тебя, зачем мешать, но ты не знал недостатка... Но сейчас я кое-что привез особое.

Он опустил мешок к ногам старого коваля торжественно и счастливо... Людота неспешно раздвинул горловину, взгляделся, слегка отшатнулся, потом движения его стали торопливее, он суетливо, как хорь, рылся в мешке, высвобождая глыбу, Владимир хотел было уже помочь, но старик вытащил глыбу с неожиданной прытью. В его руках она поблескивала синеватыми искрами. Людота перевел потрясенный взор на Владимира:

– Где ты отыскал такое чудо?

– Правда, неплохое железо? – спросил Владимир как можно небрежнее, хотя готов был завизжать от счастья, кувырнуться через голову, как дешевый скоморох.

– Железо? Это не железо...

– А что? – быстро спросил Владимир.

Людота в сомнении пожевал бесцветными губами. Ладони его бережно ощупывали глыбу, он все еще держал ее на весу.

– А может, и железо... Только не простое. Что ты хочешь, чтобы я с ним сделал?

Владимир взглянул ему прямо в глаза:

– Что может хотеть князь?

– Меч? – переспросил Людота.

– Конечно же, меч.

Жилы на руках старого коваля напрягались все сильнее, глыба тянула вниз, наконец он со вздохом опустил ее на мешковину.

– Меч...

– До вечера сделаешь? – спросил Владимир жадно. – Ладно, ты же любишь по ночам, дабы не подглядывали... Завтра утром получу?

Людота поклонился строго, с достоинством:

– Спасибо, княже, за честь. Но отковать тебе так сразу меч я не смогу...

Сердце Владимира сжалось в страхе.

– Случилось что? Людота, если ты не сумеешь, то уже больше никто на свете...

– Не знаю, – ответил Людота. – Я такого металла еще не знавал на своей жизни. А жил я, признаться, немало. Да и не могу так сразу... Может, тебе сковать серп аль подкову?

Владимир вспыхнул:

– Меч!

– Тогда жди. Буду говорить с богами.

Он ушел, словно разговаривал с простолюдином, а не с великим князем. Владимир смотрел вслед с надеждой. Кузнецы живут и работают с огнем, они знают тайны, которые волхвам и

не снились, иные кузнецы сами могучие колдуны, недаром кузницы и поныне ставят поодаль, о них рассказывают страшные случаи, а при виде кузнецов матери прячут детей.

Людота ради такого случая принес в жертву не ягненка, а молодого раба. Потом трое суток окуривал кузницу травами, постился, взывал к умершим родителям, развешивал по кузнице внутри и снаружи пучки колдовских трав.

На пятый день он выгнал из кузницы подручных, а князю велел строго-настрого:

- Три дня!.. Три дня чтоб никто не входил.
- Клянусь, – пообещал Владимир торопливо.
- Что б ни случилось, княже. Меня нет для этого мира на три дня.
- Обещаю! Но сможешь ли сам?
- Не знаю, – отрубил Людота.

Он отступил, исхудавший и с ввалившимися глазами, буркнул что-то под нос, захлопнул дверь с такой силой, что затряслась даже крыша. Владимир велел Претичу:

– Поставь дружинников через каждые два шага. Кто подойдет, да примет смерть!.. А ты, Чейман, прокричи всем на воротах, дабы предупреждены были.

Чейман смотрел влюбленными глазами на грозного князя, сразившего в единоборстве воина-мага:

- Сделаю, княже! Что еще?
- Владимир развел руками в злом бессилии:
- Если бы знал!..

Три дня из-под крыши валил густой черный дым. Видны были отблески багрового огня, доносились мощные удары молота по металлу. Слышались и голоса, потрясенные дружинники отступили, ибо голоса были странные, а Людота вроде бы с ними спорил, доказывал, железо звякало громче, там гремело и грохотало, однажды даже прогремел мощный гром, прокатился низко над городом, а из кузницы в ответ блеснула молния.

Удары становились то громче, то почти затихали, дружинники сменялись через каждые полдня. На третий день дым валил все так же, молот бухал по наковальне. Владимир измучился, то порывался броситься к кузнице, то, уstraшенный строгим наказом старого кузнеца, отступал, ходил вокруг, как пес на длинной веревке.

Пошел к закату третий день, настала ночь, а когда забрезжил рассвет четвертого дня, из щелей в крыше поднимался дым, но уже не черный, а сизый, но молот по-прежнему бухал, хотя уже и медленно, с усилием.

Владимир не выдержал:

- Открывайте!

Претич сказал осторожно:

- Княже, он не велел...
- Трое суток миновало!
- Но вдруг просчитался чуть? Сутки туды, сутки сюды...

Владимир поколебался, отступил, но, когда солнце поднялось над городской стеной, взвыл:

- Не могу больше! Людота не таков, чтобы ошибиться. Беду чую!

Дверь пришлось выламывать, заперто на два засова. Изнутри повалил сизый дым. У наковальни стоял согнутый лохматый старик, Владимир не сразу узнал Людоту, молот поднимался с натугой, а когда обрушивался на длинную полосу металла, оттуда по всей кузнице разбрызгивались длинные странно синие искры. Владимир решил уже шагнуть вовнутрь, но Людота снова сунул темно-багровую полосу в пылающий горн, подержал, а когда вытащил, все так же продолжал бить тяжелым молотом. Владимир похолодел: глаза старого кузнеца смотрели в

пространство. Дыхание Владимира перехватило, меч выглядел сказочным! По голубому лезвию бегут живые искры... и с каждым ударом молота эти искры гаснут.

Он шагнул через дым и гарь, глаза сразу зашипало, ухватил Людоту за плечо:

– Слава тебе, великий!.. Готов меч?

Людота, не слушая и не замечая князя, поднял молот снова, ударил, и Владимир со страхом и недоумением увидел, что лезвие вроде бы стало чуть хуже...

– Людота! – закричал он ему в ухо. – Людота!.. Это я, князь! Ты слышишь?.. Эй, люди! Все сюда!

Старого кузнеца подхватили на руки, вынесли на свежий воздух. Владимир высвободил чудесный меч. Во дворе Людоту облили водой из колодца, старый кузнец слегка вздрогнул, но рука еще поднималась, будто все еще держал молот. Вылили еще пару ведер, он задрожал от холода, веки затрепетали. Уже осмысленными глазами пробежал по лицам:

– Что?.. Где это я?.. А вы кто?

Владимир проговорил настойчиво:

– Людота, ты не помнишь? Ты ковал этот меч.

Старый кузнец с недоумением уставился на чудесное оружие. Глаза его заблестели восторгом, но брови сдвинулись к переносице.

– Я?.. Я сковал это чудо?.. Ничего не помню.

Среди потрясенных дружинников пошел почтительный говор. В коваля вселился кто-то из богов, видел его глазами и работал его руками. Ковал княжеский меч не сам Людота, а бог... Или же сам Людота становился богом. Волхвы глаголют, что любой человек, даже самый мелкий и слабый, в какие-то мгновения жизни становится равен богам, а то и выше. Надо только не проглядеть те моменты...

Помощники кузнеца спешно привели молодого здорового раба, бросили на землю. Тот стиснул зубы, не издал ни звука, когда все еще багровый кончик лезвия коснулся его шеи. Людота нажал сильнее, кожа зашипела. Сгорая, взвился дымок, а раскаленное лезвие с легким шипением вошло в тело. Раб сжимал челюсти, побелел. Полоса меча вошла в молодое тело на всю длину, и лишь тогда раб издал легкий стон, дернулся, рот раскрылся чуть, оттуда потекла темно-багровая струйка, словно уже успела вобрать в себя часть небесного железа.

Людота подержал за рукоять, железо пьет молодую кровь, обретает крепость и стойкость при ударе, чтобы не разлетелось как ледяшка, чтоб гнулось, но не ломалось, чтобы, однажды заточенное, сохранило остроту даже после лютой битвы!

– До захода солнца, – определил он. – Потом... оружейникам.

Возле Владимира уже суетились, потеряв степенность, старшина оружейников Острозуб и его лучший подмастерье Гаргак. Глаза их не отрывались от торчащей рукояти, пальцы Острозуба хищно сжимались, словно уже вытаскивал, торопливо очищал от засохшей крови, затачивал, ладил защитный крыж на рукояти, даже оправу для камней, буде князь изволит с драгоценностями...

– Спасибо, Людота, – сказал Владимир, – если что будет нужно, только скажи слово.

Людота вздрогнул, глядя на меч:

– Хорошо, что ты не вошел раньше...

– А что случилось бы?

Людота зябко повел плечами:

– Я сковал слишком... меч. Он рассекал бы любые доспехи, как лист капусты, отбивал молнии, летящие стрелы! А если бы кто сумел выбить из твоей руки, сам бы мигом прыгал в твою ладонь. С таким мечом можно хоть против Змея, хоть против колдунов, да что там колдунов – можно супротив самого неба! И тогда я, услышав чей-то настойчивый глас, начал делать его проще... Теперь уж не настолько молниеносен, даже стрелы сам не отобьет...

Челюсти Владимира стиснулись так, что слились в одно целое. Претич, дурак, уговаривал подождать еще...

– И все-таки это необыкновенный меч, – прошептал он. – Я чую в нем силу...

– Необыкновенный, – согласился Людота. Глаза его на изнуренном лице вспыхнули гордостью. – Я все-таки сумел...

– Я чую, – сказал Владимир. – Но как жаль, что ты не остановился... Меч был бы лучше.

– Нужно делать не как лучше, а как положено, – строго ответил старый кузнец.

...Еще три дня умельцы украшали рукоять меча золотом, крепили драгоценные камни, другие спешно делали подходящие ножны. Владимир предпочитал мечи без всяких украшений, настоящие боевые, как и все в быту, но Белоян предостерег, что он пока не столь великий и грозный властитель, как его пращур Аттила, который пил вино из простой деревянной чаши, в то время как все остальные ели и пили на злате, или как другой пращур по имени Вандал, что всю жизнь спал на деревянном ложе, подложив под голову седло, как пращур Славен, который всегда выходил на поле боя в одежде простого воина и становился в первый ряд пешим...

– Народ должен видеть, – проговорил он наставительно, – что ты князь. Богатый! Потому и вешай на себя побольше злата, драгоценных камней. И одежда чтоб в золоте блистала, аки у павлина!.. Вон как церковники делают, а? Ихние попы как копны сена, столько на них золоченых риз, а цепи и золотые кресты весом по пуду, и камни, и на голове хрен знает что, зато богатое... чтоб, значит, наш лапотник раскрыл варежку от восторга и сказал соседу: да, ихние волхвы вон какие богатые! Куда нашему, что в простой холстине и в будни, и в праздники. Значит, их вера сильнее...

Владимир поморщился:

– Яркой одежкой можно только дурака обмануть.

Белоян ахнул:

– А из кого народ? Это и хорошо. Представь себе, если бы умников было чересчур много!.. Тут бы такие кровавые свары начались... Так что меч должен быть богатым. Тем более что меч – символ. Как оружие, честно говоря, меч всегда уступает как топору, так и сабле. Да всему уступает! Но он пришел из давних времен, когда ничего лучше делать не умели. Так что меч – прежде всего символ власти. Княжеской ли, царской, императорской. Потому укрась его драгоценными камнями так, чтобы простой люд с восторгом рассказывал тем, кто тебя не зрел с таким мечом.

– Ладно, – сказал Владимир, сдаваясь. – Только меч в бою все равно меч. Конечно, супротив закованного в латы лучше боевой топор, а против юркого печенег надо выходить с саблей, но меч все равно люблю... Не знаю почему, но люблю. У меня по всему телу пробегает радостная дрожь, когда пальцы лишь коснутся рукояти. А беру в обе руки, сразу в тело вливается мощь богов... или бесов, как ни назови, но куда и усталость девается, тревоги, заботы... Я снова прыгаю с драккаров на плоский берег норманнский, врываюсь в горящие города, дерусь с мидийскими магами, сражаюсь на ступенях императорского дворца... Никакой тебе нынешней головной боли с дрягвой, древланами, вятичами!

Завидя князя на крыльце, челядинцы задвигались шибче, засуетились, изображая тяжелую работу. Даже свиньи у длинного корыта зачмокали болтушку старательнее, а петух на воротах прокричал бодро, выгнув грудь колесом, как Претич на воинских учениях.

Белоян хохотнул, ибо с заднего двора тут же явился Претич, вдогонку крикнули что-то от замученных дружинников, послышались тяжелые звуки, словно на землю бросали мешки с глиной.

– Я пошел готовиться, – сказал Белоян загадочно. – Претич, твой меч еще не затупился?

– Вроде нет, – ответил Претич озадаченно, – а что?

– Будь при князе.

Двор опустел, когда Белоян шел к воротам, а потом заполнялся снова медленно, с опаской, свиньи долго нюхали землю, по которой прошел страшный зверочеловек.

За распахнутыми воротами остановилась легкая повозка. Владимир видел, как легко выпрыгнула легкая девчушка... нет, уже девушка, золотая коса до пояса, платице не по-женски открытое... нет, еще подросток, быстро и независимо пробежала через двор прямо к кузнице старого коваля.

Владимир нахмурился:

– Кто это?

Претич ухмыльнулся во всю багровую рожу, показал два ряда желтых зубов, съеденных сверху, но крупных, как у коня.

– Понравилась? Но не тебе ягодка... Ей всего тринадцать или четырнадцать весен. Но умна, как сто волхвов...

– Она красавица.

– Умна, – возразил Претич. – Красивых у нас пруд пруди! Они все красивые, пока молодые... Да знаю, знаю, что старость начинается со дня, когда все молодые девки начинают казаться красивыми. Но эта в самом деле настолько умна. В свои четырнадцать лет уже все хозяйство держит! Это Брунька, единственная дочь ярла Гордона. Ну того, что как сыч сидит на своих землях, у нас на пирах не бывает... У него трое или четверо сыновей, все как быки здоровые, сильные, но их мозги к ней перебежали. Она и сейчас вон приехала пополнить запасы соли, одежды, хозяйственных мелочей. Коней подбирает, даже мечи сама купила!

– Ей доверяют выбирать мечи? – удивился Владимир.

– Деньги ж доверяют, – сказал Претич ласково. – Она умница. В четырнадцать лет, надо же!.. А ежели братья поедут на базар, даже сам ярл или его жена, то такое накупят, потом неделю лаются...

Владимир держал цепким взором двери кузницы:

– А чего к Людоте?.. Хотя понятно. Если девка такова, как говоришь, то и мечи старается заказывать у лучших. Свиненок маленький! Людоту улестить нелегко, он только для меня обещался...

Когда дверь отворилась, Владимир выждал, пока дочь ярла проходила мимо, сказал негромко:

– Ну-ка, красавица, покажись своему князю...

Он нарочито выделил «своему», потому что иные знатные ревниво берегли остатки независимости, их деды явились на эти земли вместе с Рюриком, с какой стати подчиняться его потомству, но девчушка то ли не заметила такой тонкости, то ли сделала вид, что не заметила, приблизилась, скромненько опуская глазки, а Владимир рассмотрел, что в самом деле еще подросток, нераскрывшаяся почка, что вот-вот развернется в цветок сказочной красоты, что-то уже наметилось, проступает, как солнце сквозь облачко.

– Здравствуй, Брунька, – сказал он медленно. – Брунгильда, как я понимаю?.. Вижу, врут те, кто говорит, что будешь красавицей. Ты будешь больше чем просто красавицей... Ведь улестить Людоту непросто, а ты улестила, по хитрой рожице вижу.

Она смело взглянула ему в глаза:

– Я мечтаю хоть на треть быть такой, ради которой наш князь... с чьим именем он просыпается и засыпает.

Он вздрогнул. С детского личика смотрели такие же детски чистые, но странно понимающие глаза. В них были тоска и зависть, жажда красивой любви, чтобы сердце рвалось от счастья и боли.

– Девочка, – прошептал он сразу пересохшими губами, – зачем... Живи просто, как все люди.

– Не хочу, – ответила она дерзко.

– Иначе... очень больно, – сказал он тяжело.

– Пусть, – ответила она.

Владимир молчал, и она, поклонившись, отступила и пошла в сторону конюшни. Старый воевода недоумевающе смотрел вслед. Пожаловался:

– Чудно поговорили. Я ничо не понял. Шибко умные, да?... Да, девка уже сейчас сокровище... А что будет?

ГЛАВА 13

Владимир молчал, Претич ощутил в нем жадное нетерпение. Оглянувшись, через двор торопливо хромал Остроzub, старшина оружейников, за ним вышагивали трое одетых в лучшие одежды подмастерьев.

На уровне груди Остроzub нес обеими руками меч. Со всех сторон двора появлялись челядины, пристраивались, как любопытные гуси, сзади. Из конюшен, сараев, даже из поварни вышли, жадно и восторженно смотрели на меч.

В жарком оранжевом солнце полудня лезвие блистало холодным голубоватым огнем. Казалось, Остроzub бережно несет длинную сосульку, искорки прыгают внутри, прячутся, выпрыгивают снова острыми короткими молниями. Рукоять богато украшена самыми дорогими камешками, но Остроzub выбрал помельче, чтобы не мешали в бою, князь-де не усидит на троне, когда на кордонах полыхают пожары...

Владимир сбежал с крыльца не чуя ног. Чувствовал, что надлежит по-княжески принять меч степенно, даже принести по такому случаю в жертву пару-другую молодых рабов, но сердце едва не выпрыгивало, губы тряслись, он тянулся к мечу, как будто от него одного зависело его горькое счастье.

Остроzub упер в грудь князя предостерегающий взор, Владимир остановился, руки медленно опустились, но глаза жадно пожирали меч из небесного железа.

Теперь металл был слегка лиловый, словно тучи с градом, по лезвию прыгали синеватые звездочки, гасли в глубине, словно тонули.

– Твой меч, княже, – сказал Остроzub громко, чтобы слышали во дворе. Владимир видел, как из капища появилась огромная фигура в белом одеянии, медвежья харя понюхала воздух, и Белоян направился в их сторону. – Этот меч, княже, всем мечам меч... Он бьет и по-русски, и по-арабски.

– Как это?

Остроzub молча взял из руки Претича железную булаву, огляделся, помощники тут же услужливо подкатили колоду для рубки дров. Положил, примерился, затем резко взмахнул мечом. Глухо звякнуло.

– Это по-русски!

На колоде остались две половинки булавы. Рукоять, толщиной с древко лопаты, распалась наискось так чисто, словно меч рассек мягкую глину. В колоде осталась глубокая зарубка.

Оружейник молча повернул меч лезвием кверху. Владимир с облегчением выдохнул. На тонком, как луч света, лезвии не осталось зазубрины, даже самой крохотной!

– А теперь по-арабски, – сказал Остроzub.

Огляделся нетерпеливо, но другой догадливый помощник уже бежал со всех ног с подушкой в руках. Владимир успел подумать, не шутка ли, что он, в прошлом спавший на голых камнях, теперь нежится на подушке из нежнейшего лебяжьего пуха, но Остроzub уже взбил ее, поставил стоймя, чуть примяв нижний угол, коротко взмахнул мечом.

Вздых восторга был громче. Разрубленная подушка медленно развалилась надвое, не теряя формы. Остроzub довольно скалил зубы. Выждав, он снял с внимательно наблюдавшей Бруньки платок из нежнейшей паволоки, подбросил. Паволока медленно опускалась, нехотя и плавно, словно раздумывая, не остаться ли в воздухе.

Когда нежная ткань коснулась подставленного меча, платок распался на две половинки, и обе продолжили неспешное путешествие к бревенчатому настилу.

Остроzub поклонился, опустился на одно колено, а меч подал обеими руками:

– Владей. Ты – наш князь.

Владимир принял меч, руки нелепо дернуло кверху. Вздутые мышцы чуть не вскинули оружие над головой, настолько тот оказался легче, чем он ожидал. Длинный, обоюдоострый, весит почти вдвое меньше, чем любой из его предыдущих мечей с широкими, как у мясницких топоров, лезвиями!

Белоян уже стоял близ Острозуба, медвежьи глазки возбужденно бегали по лицам. По его морде Владимир понял, что волхв больше обратил внимание на слова оружейника, чем на меч. Признали все-таки Владимира не только захватчиком, но и своим князем... Значит, княжил мудро, блюл законы, берег покой и мир на всех землях. В отличие от отца своего, неистового Святослава, в походы не ходит, обустривает Новую Русь. Знал бы оружейник, для чего князь копил силы!..

– Благодарствую, – сказал Владимир. – Острозуб... все боги пусть зрят, что я этим мечом... Не для богатства или власти... Нет, я не могу сказать всего, что на душе. Но боги зрят, их беру в свидетели!

Он внезапно опустился на одно колено, поцеловал меч, словно вручил ему не старейшина оружейников, а верховный бог. Белоян быстро зыркнул на опешившего Острозуба, тот начал было в растерянности разводить руками, но вдруг выпрямился, лицо озарилось достоинством и гордостью. Понял, значит, что не его благодарит великий князь, а через него – все земли, которые поклялся хранить и защищать...

Острозуб кивнул ошеломленному помощнику, оба удалились, уводя с собой многих, а Владимир благоговейно держал в руках меч, делал выпады, вертел в руке и перебрасывал в другую, принаравливаясь к изменившемуся весу. Не сразу услышал за спиной глухое ворчание:

– Может, хватит тебе тешить челядь?

Двор был заполнен народом. Работники, гридни, дружинники, внимательная Брунька, прибежал Чейман, в глазах любовь и преданность, набежала ребятя... Опомнившись, Владимир с неловкостью развел руками:

– Не обессудьте... Князь тоже мальчишка, когда в руки попадает такой меч!

Поспешно удалился в терем, а за спиной слышал радостные вопли, здравицу, крики «Слава!», «Слава князю!».

Пока поднимались по высокой лестнице в горницу, Белоян бубнил в спину:

– У каждого честолюбивого князя... царя, короля, императора или просто вождя племени... есть заветная мечта, которой не всегда делится даже с женой... Да, ты знаешь, о чем я... Создать новое государство! Самое лучшее, самое здоровое, самое красивое! Заложить в самом начале такие законы, чтобы не только выжило, но с каждым поколением множились доблесть, честь, справедливость!.. Ты что же, думаешь, народ признал тебя, что ты такой красивый и бьешься двумя мечами?.. Народ ощутил, что ты душу отдашь за Новую Русь. Я не говорю про сердце, но душу отдашь. И даже твоя безумная... да-да, безумная попытка добыть себе в жены самую лучшую в мире невесту – тоже во славу Новой Руси! Кто не знает, как за ее руку бьются владыки мира: германский император, индийский царь, персидский падишах?

Владимир огрызнулся с болью в голосе:

– Я все равно ее возьму!!!

Вместо ответа сзади послышался звериный рык. Стремительно повернулся с небесным мечом в руке. Шерсть на Белояне стояла дыбом, как иглы на рассерженном еже, глазки стали желтые, как янтарь, а в пасти недобро блеснули длинные клыки.

– Ты чего?

Вместо ответа Владимир снова услышал глухое рычание, что зародилось глубоко, начало нарастать, но верховный сумел задавить свою звериность, проговорил хрипло:

– Сюда идет Старый.

– Ну и что? – поморщился Владимир. – Останься.

– Не могу. Он меня не любит. Княже, я зайду потом, договорим.

Дверь распахнулась, Владимир смотрел, не веря своим глазам, на упавшие со звоном на пол половинки железного засова. Через порог по-волчьи неслышно шагнул маленький сухонький старик, похожий на волка как желтыми глазами, так и чем-то неуловимым, от чего перед глазами Владимира сразу возникла глухая чаща. Серый, в неопрятной душегрейке из волчьей шкуры, портки и даже башмаки тоже словно из шкуры матерого волка, вылитый волк в человеческой личине...

Владимир задержал дыхание. Темны леса за Киевом, странные и непроходимые. Дивные племена живут за непролазными болотами, за непроходимыми буреломами. Одних удалось покорить, примучить к дани, с другими разошлись ни с чем, а о некоторых только слышали... Был слух о странных лесных людях, что живут с начала света, но с другими людьми почти не знают, ибо те для них навряд комаров-поденок, что утром вылупляются, день живут, а к вечеру мрут от старости...

Этот старик за последний год являлся уже трижды. Его окрестили Старым Волхвом, потому что умел больше, чем другие люди, значит – волхв, а старым – за безразличное отношение к нарядным парням и девкам, к печам с трубой, к мясу, жаренному на сковородах вместо вертелов...

Щуплый, князю по плечо, но Владимир здраво оценил толщину жил на руках и шее старика, его движения сильного хищника. Тот словно сплетен из толстых кореньев старого дуба, о которые пять топоров выщербишь, пока перерубишь хоть один, а когда покосился на потрясенное лицо Белояна, по виду волхва понял: тот зрит в старике намного больше, ибо видит и зримую только колдунам мощь...

– С чем пожаловал, Древний? – спросил Владимир почтительно, не дожидаясь «здравствуйте» от человека из тех времен, когда еще, может быть, за «здравствуйте» били в морду. – Не изволишь ли отдохнуть, откушать с дороги?..

Старый метнул неприязненный взор на Белояна:

– Не изволю. Я ненадолго, по дороге. Убери этого... раздражает. Еще зашибу невзначай. А ты реки, из-за чего на всем Востоке началось такое...

Владимир кивком велел Белояну идти, глазами дав понять, чтобы ждал поблизости, даже послушал, если может.

– На Востоке? – удивился он. – А мы при чем?

Старый проводил недобрый взором Белояна. У того пониже спины вдруг на белом проступило темное пятно, взвился дымок, вспыхнуло пламя. Белоян стрелой вылетел за двери, слышно было, как хлопал по одежде, сбивая пламя.

– Это его займет малость, – сообщил Старый. – А то подслушивать вздумал. Хоть и нет тайны, а не люблю, когда хитрят. Хилая молодежь пошла... Так вот, на Востоке собрались маги. Там хоть и христианство, но общество магов есть. Церковь их тайно охраняет, потому что пользуется... Я увидел знаки, что ты им чем-то насолил.

– Я? Магам?

– Не магам, – объяснил Старый. – Они не сами собрались, а царьградская церковь их собрала и натравливает на тебя.

Владимир нахмурил брови:

– Я понимаю, если бы базилевс или кто-то из властей... Но почему церковь?

– Это ты здесь сам во все влезаешь, – ответил Старый насмешливо, – потому что твое княжество для Царьграда не больше курятника. Ты и главный воевода, и высший волхв, и судья, и творец законов... А там церковь одна из опор власти. Митрополит... или как их там, увидел раньше базилевса угрозу с твоей стороны. Вот и принял меры...

Владимир хлопнул себя ладонью по лбу. Суровые складки разгладились, а горькая морщинка возле губ растворилась в скупой, еще недоверчивой улыбке.

– Неужели нам удастся?.. Ну, ребята...

– Что?

– Я послал одного вора выкрасть щит Вещего Олега, – объяснил Владимир. – Без него Царьград теряет половину защиты...

– Половину?

– Пусть не половину, но все же...

В желтых глазах старика появилось нечто вроде уважения.

– Все-таки мечтаешь взять Пердик... то бишь Царьград?

– Мечтаю, – признался Владимир. – Сплю и вижу, как мои дружинники омоют сапоги в водах Дарданелл... Не как наемники, те живут в бараках на берегу пролива, а как вот моют в Днепре...

– Ого!

– Почему нет? Взяли же мои прадед и дед эти земли? Отец расширил пределы... А я к землям Новой Руси добавлю земли Царьграда.

В темных глазах князя заблестело, то ли звезды, то ли слезы. Голос дрогнул. Старик смотрел с непонятной насмешкой:

– А даже маги не страшат? Лучшие маги белого света?.. Гм... Что это дурость с человеком делает... Что делает... Да-а... пожалуй, если бы у царицы Савской ноги были без копыт, то какие бы страны и народы, интересно, сейчас жили бы на Востоке? А если бы Елена, из-за которой началось с Троей, была пониже ростом, то сейчас бы на месте царьградской империи, а также багдадского мира... а то и сирийцев... да-да, была бы великая империя Илиона... А если бы... гм... у царьградки нос был вон как у тебя, то ты колотился бы, как козел о ясли, не в стену Царьграда, а бодался бы с Западом или Севером...

Владимир ощутил озноб, словно стоял с занесенной ногой над краем бездны, но внезапно нахлынувший гнев сжег остатки страха и неуверенности.

– Я все равно ее возьму, – повторил он неистово. – Одну... или с Царьградом!

Старик смотрел странно, улыбнулся по-волчьи, отступил к стене, не отрывая взора от лица молодого князя. Стена из толстых бревен подалась, словно была из бычьего пузыря, старик сделал еще шаг, желтые глаза смеялись. Стена сомкнулась, Владимир потрянул головой, протер глаза, но стена снова непоколебима, бревна толстые, массивные.

Не скоро скрипнула дверь, Белоян сунул голову, неуклюже огляделся. Владимир бросил нетерпеливо:

– Да ушел он, ушел... Заходи, не трусь. Совсем он не дикий. Дела Царьграда знает не хуже нас, а то и лучше.

Белоян глубоко вздохнул, показав на миг два ряда острейших зубов. Из красной, как жерло, пасти пахло жаром, будто в брюхе главного волхва был кузнечный горн.

– Трагедия этого волхва в том, что одной ногой еще в прошлом, другой – в будущем, а между ног у него... страшное настоящее!

– В самом деле страшное? – спросил Владимир насмешливо. – А я думал, совсем старик...

Белоян рыкнул:

– Тебе все шуточки. Уже и дед этот предупреждает... Такого зверя раздражил! Почитай, теперь весь мир против тебя.

Владимир все еще держал в руке меч. Голос прозвучал совсем тихо:

– Есть вещи, за которые стоит драться со всем миром...

ГЛАВА 14

Лес надвинулся светлый, кусты на опушке вырублены, дальше березняк да ольховник, не спрячешься. Залешанин проехал с полверсты по светлоселю, не встретив сушин и валежин. Все утаскивают в город для печей и кузниц, Киев растет...

Когда тропка стала узкой, как пастуший кнут, и завиляла, будто не зная, куда спрятаться при виде разбойников, он услышал пересвист птиц, улыбнулся, похлопал коня по шее:

– Уже скоро...

Птички пересвистывались ближе, наконец он привстал в стремях и заорал весело:

– Кол вам в глотку! Это я жирный петух? А ну выходи, кто там сказал? Я сам ему выщипаю перья.

За стеной деревьев свист умолк, а птичья трель вдалеке оборвалась, будто певунью придавило деревом. Потом кусты зашелестели, на тропку вышли двое угрюмого вида мужиков. В руках дубины, волосы на лбу перехвачены кожаными ремешками. Рубахи рваные, засаленные, как и портки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.